

КИР БУЛЫЧЕВ
•
НУЖНА СВОБОДНАЯ
ПЛАНЕТА

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Великий Гусляр

Кир Булычев

**Нужна свободная
планета (сборник)**

«Центрполиграф»

2014

Булычев К.

Нужна свободная планета (сборник) / К. Булычев —
«Центрполиграф», 2014 — (Великий Гусяр)

Город Великий Гусяр, расположен на «земной выпуклости», а от того виден инопланетянам из космоса гораздо лучше, чем все другие города мира. И происходят в этом городе совершенно невероятные вещи. В реке плавают синтетические осетры, в озере водятся крокодилы и русалки, в магазине продаются золотые рыбки, исполняющие желания, в лесу обнаружилась настоящая Спящая Красавица. И космические пришельцы здесь уже не в диковину...

Содержание

Вступление	6
Связи личного характера	9
Поступили в продажу золотые рыбки	15
Средство от давления	29
Ответное чувство	40
Кладезь мудрости	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кир Булычев

Нужна свободная планета (сборник)

© К. Булычев, наследники, 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Вступление

Иногда приходится слышать: почему пришельцы из космоса, избравшие Землю целью своего путешествия, опускаются не в Тихом океане, не на горах Памира, не в пустыне Такла-Макан, наконец, не в Осаке и Конотопе, а в городе Великий Гусяр? Почему некоторые странные происшествия, научного истолкования которым до сих пор не удалось найти, имеют место в Великом Гусяре?

Этот вопрос задавали себе многочисленные ученые и любители астрономии, о нем говорили участники симпозиума в Аддис-Абебе, об этом прошла дискуссия в «Литературной газете».

Недавно с новой гипотезой выступил академик Спичкин. Наблюдая за траекториями метеорологических спутников Земли, он пришел к выводу, что город Великий Гусяр стоит на земной выпуклости, совершенно незаметной для окружающих, но очевидной при взгляде на Землю с соседних звезд. Эту выпуклость никак нельзя путать с горами, холмами и другими геологическими образованиями, потому что ничего подобного в окрестностях Гусяра нет. Появление действующего вулкана у озера Копенгаген относится к 1982 году и к ранним появлениям пришельцев отношения не имеет.

Город Великий Гусяр расположен на равнине. Он окружен колхозными полями и густыми лесами. Реки, текущие в тех краях, отличаются чистой водой и медленным течением. Весной случаются наводнения, спадающие и оставляющие на берегах ил и коряги. Зимой бывают снежные заносы, отрезающие город от соседних населенных пунктов. Летом стоит умеренная жара и часты грозы. Осень здесь ласковая, многоцветная, к концу октября начинаются холодные дожди. В 1876 году старожилы наблюдали северное сияние, а за тринадцать лет до этого – тройное солнце. Самая низкая температура января достигала сорока восьми градусов ниже нуля (18 января 1923 года).

Раньше в лесах водились медведи, косули, кабаны, еноты, бобры, лисицы, россомахи и волки. Они встречаются в лесах и сегодня. В 1952 году была сделана попытка акклиматизировать под Великим Гусяром зубробизона. Зубробизоны расплодились в Воробьевском заказнике, естественным образом скрестились с лосями и приобрели в дополнение к грозному облику могучие рога и спокойный, миролюбивый нрав. Реки и озера богаты дичью. Не так давно в реку Гусь завезены гамбузия и белый амур. Неизвестно как за последние годы там же расплодился рак бразильский, ближайший родственник омара. Рыбаки по достоинству оценили его вкусовые качества. В местной печати сообщалось о появлении в окрестностях города мухи цеце, однако случаев сонной болезни не отмечено.

Население Великого Гусяра достигает восемнадцати тысяч человек. В нем проживают люди шестнадцати национальностей. В деревне Морошки обитают четыре семьи кожухов. Кожухи – малый лесной народ угрофинской группы, говорящий на своеобразном, до сих пор не до конца разгаданном наукой языке. Письменность кожухов на основе латинской была разработана в 1926 году гусярским учителем Ивановым, который составил букварь. В наши дни лишь три кожуха – Иван Семенов, Иван Мудрик и Александра Филипповна Малова – владеют кожухским языком.

История города Великий Гусяр насчитывает семьсот пятьдесят лет. Впервые упоминание о нем встречается в Андриановской летописи, где говорится, что потемкинский князь Гавриил Незлобивый «пришех и истребих» непокорных обитателей городка Гусяр. Это случилось в 1222 году.

Город быстро рос, будучи удобно расположен на перекрестке торговых путей, ведущих на Урал и в Сибирь, а также в южные и западные области Руси. Его пощадило монгольское иго, так как испуганные густотой и дикостью северных лесов татарские баскаки ограничивались при-

сылкой списка требуемой дани, однако жители города эту дань платили редко и нерегулярно. Возникшее в XIV веке соперничество за Гусяр между Москвой и Новгородом закончилось окончательной победой Москвы лишь к середине XV века. В ходе соперничества город был трижды сожжен и дважды разграблен. Один раз новгородская дружина воеводы Лепехи срынула город с землей. В последующие годы Гусяр подвергался чуме, наводнению, мору и гладу. Ежегодно бушевали пожары. После каждой эпидемии и пожара город вновь отстраивался и украшался белокаменными соборами, живописно раскинувшимися по берегу реки Гусь.

Из числа землепроходцев, пустившихся навстречу солнцу, более трети оказались уроженцами Великого Гусяра, который в XVI веке превратился в процветающий город, стал соперником Вологде, Устюгу и Нижнему Новгороду. Достаточно вспомнить Тимофея Бархатова, открывшего Аляску, Симона Трусова, с пятьюдесятью казаками вышедшего к реке Камчатке, Федьку Меркартова, первым добравшегося до Новой Земли, – открывателей Курил, Калифорнии и Антарктиды. Все они возвращались на старости лет в родной город и строили двухэтажные каменные дома на Торговой улице, в Синем переулке и на Говяжьем спуске. Именно в те годы Гусяр стал зваться Великим.

Кстати, по сей день среди ученых не выработалось единого мнения: почему Гусяр зовется Гусяром? Если профессор Третьяковский в своей монографии «Освоение Севера» полагает, что источником слова служит «гусяр» или даже «гусли» (гипотеза Райзмана), ибо производство этих музыкальных инструментов было широко развито в этих краях, то Илонен и другие зарубежные историки склоняются к мысли, что название городу дала река Гусь, на берегу которой он расположен. Однако существует версия Тихонравовой, полагающей, что в этих лесных краях нашли убежище бежавшие от габсбургского ига сподвижники чешского реформатора Яна Гуса. Наконец, нельзя не упомянуть о точке зрения Иванова, выводящего слово «Гусяр» от кожухского «хуся», означающего «задняя нога большого медведя, живущего на горе». Среди кожухов и поныне бытует легенда о богатыре Деме, убившем в этих местах медведя и съевшем его заднюю ногу.

В конце XIX века в связи с тем, что железная дорога прошла стороной, Великий Гусяр перестал играть важную роль в торговле и превратился в заштатный уездный город и пристань на реке Гусь.

За последние годы в Гусяре развивается местная промышленность. Работает пивоваренный завод, освоено производство пуговиц и канцелярских кнопок на фабрике «Заря». Также имеются лесопилка, молочный комбинат и бондарные мастерские. В городе работают речной техникум, несколько средних школ, три библиотеки, два кинотеатра, клуб речников и музей. В число памятников архитектуры, охраняемых государством, входят Спасо-Трофимовский монастырь, церковь Параскевы Пятницы (XVI век) и Дмитровский собор. Гостиный двор и несколько церквей были снесены в 1930 году при разбивке сквера имени Землепроходцев.

Великий Гусяр – город областного подчинения и является центром Великогусярского района, где выращиваются лен, рожь, гречиха, имеются скотоводство и лесной промысел. В распоряжении туристов, облюбовавших город в летние месяцы, находится гостиница «Великий Гусяр» с рестораном «Золотой гусь», Дом колхозника и баржа-общежитие. В городе за последние годы снимался ряд исторических фильмов, в частности «Стенька Разин», «Землепроходец Бархатов», «Садко» и «Гусярская баллада».

Главная улица, Пушкинская, тянется параллельно набережной. На ней расположены универсам, книжный и зоологический магазины. Одним концом улица упирается в мост через реку Грязнуху, делящую город на традиционные город и слободу, с другой стороны улица заканчивается у городского парка, где находятся эстрада, тир и карусель, а также летняя читальня.

Сообщение с Вологодой автобусом (шесть часов) или самолетом (один час). С Архангельском – самолетом (полтора часа) или паромом через Устюг и Котлас – четверо суток.

Космические пришельцы начали появляться в городе начиная с 1967 года. Более ранние следы их не обнаружены.

Связи личного характера

Сидели во дворе, играли в домино. Дело было летом, после дождя, в хорошую погоду. Облака, вытрясая воду, плыли над головой пышные и умиротворенные, лужи сохли быстро, от них поднимался невидимый пар, скоро идти ужинать, игра малость приелась, и пришло время побеседовать о разных вещах.

– Устал я сегодня чего-то, – сказал Василь Васильич, принюхиваясь к сложным ароматам, слетавшимся вниз, к игрокам, из двенадцати кухонь дома.

– Жарко было, – согласился Валентин Кац, размешал костяшки и спросил товарищей: – Еще одну «рыбу» забьем?

И в этот момент во двор вошел Корнелий Удалов. Был он потен, светлые волосики завились, штаны грязные, пиджак через плечо, в руках, вся в белых потеках, банка из-под белил. В ней болтается малярная кисть.

– Корнелий-то, – сказал Погосян, – Корнелий стал маляром, да?

– Дурачье, – сказал Удалов, покосился на свои окна, не наблюдает ли за ним жена его Ксения, и, поставив банку посреди двора, уселся на скамью. – История со мной случилась. Фантастическая.

– Всегда с тобой что-нибудь случается, – сказал Валентин. – Может, все-таки забьем еще одну «рыбу»?

– Что за история, а? – спросил Погосян.

Удалов, которому очень хотелось поговорить, сразу ответил:

– Дорогу на Грязнуху знаете? К санаторию?

– Ну.

– Там вот все и произошло. Не было сегодня дороги.

– Куда же она, болезная, делась?

– Даже не знаю, что на это ответить, – сказал Удалов. – Рано человечеству об этом знать.

– Ты, Корнелий, не крути, – обиделся Василь Васильич. – Ты всегда в истории попадаешь.

И придаешь им космическое значение.

– Вот именно, что космическое. Не менее чем космическое.

– Ясно, – сказал из открытого окна своей комнатки Грубин, который весь этот разговор отлично слышал – занимался работой скучной, но творческой: вырезал на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». – Ясно, американцы с Луны камень везли, обронили на полпути и по Корнелиевой дороге угодили.

– Циник ты, Грубин, – сказал с тоской Корнелий Удалов.

И видно всем было, что и в самом деле очень ему хочется рассказать, но пока не решается. На выступающих частях его пухлого лица показались капельки пота.

– Циник ты, Грубин, и самое удивительное, что почти угадал, хотя не можешь себе представить всей глубины такого события. Я же слово дал, почти подписку, что не разглашу.

– Ну и не разглашай, – отозвался Грубин.

– Ну и не разглашу, – повторил Удалов.

– Нужны нам твои истории, – сказал Грубин, который, несмотря на эти резкие слова, был лучшим другом Удалова.

– Так что с дорогой приключилось? – спросил Валя Кац. – А то меня сейчас жена ужинать позовет.

– Не поверите, – сказал Удалов.

– Не поверим, – согласился из окна Грубин.

Но Удалов уже решил на рассказ, не слышал грубинских слов, глаза у него помутнели и приобрели отсутствующее выражение, с каким былинные сказители в отдаленные времена

вынимали гусли из торбы, обращали лицо к самому князю и начинали разворачивать длинное, увлекательное повествование, правдоподобное для слушателей и совсем невероятное для потомков.

– Я сегодня до Грязнухи пешком пошел, – сказал Удалов. – До маслозавода автобусом, а там пешком. Нам через месяц нужно будет в санатории крышу перекрывать. Вот и пошел посмотреть.

– А как же твой, Корнелий, персональный грузовик? – спросил Грубин.

– Машина в Тотьму за генератором ушла. А я в санаторий отправился. А куда мне спешить, я спрашиваю? Куда мне спешить, если дорога лесом, местами над самым берегом, птицы поют, вокруг никакого движения и даже отдыхающих не видно.

– А это правда, что санаторий прикрыли? – спросил Василь Васильич.

– Временно, – сказал Удалов. – Временно грязевой источник иссяк. Будем, наверно, нарзан возить. Это как решим. Вот я их и встретил.

– Отдыхающих?

– Каких отдыхающих? Людей на «москвиче». Целая семья. Туристы, наверно. На крыше все привязано: и палатка, и матрац, и детская коляска. Потому я к ним и не подсел – пять человек в машине.

– Зачем тебе к ним подсаживаться?

– Как зачем? Чтобы до санатория подбросили.

– Так они же тебе навстречу ехали.

– Нет, Валентин, ты все путаешь. Сначала они меня обогнали. И я к ним не подсел. Куда спешить? А потом они обратно поехали. Навстречу. Он сам, который за рулем сидит, бледный весь, детишки плачут, высунулся из машины и машет рукой – давай, в смысле, обратно. Вот, думаю, чудак. Не знал я еще, что меня ждет за поворотом.

– За поворотом Корнелия ждал холодный труп, – произнес Грубин.

– Не перебивай, – возмутился Погосян. – Человек рассказывает, понимаешь, а ты перебиваешь.

– За поворотом меня знак ждал. «Идут дорожные работы», знаете такой знак? Треугольный, а в нем человек с лопатой. Я даже удивился: какие такие дорожные работы без ведома стройконторы? Город наш небольшой, и не может быть неизвестных работ. И еще меня удивило, что знак странный. Плохо выполнен с точки зрения художественного образа. У рабочего три ноги.

– А кто у вас знаки делает?

– Знаки из Вологды присылают. Знаки – дело милицейское. Да не в этом дело. Плохой ли знак, хороший, но что характерно – три ноги.

– Хулиганство, – сказала старуха Ложкина, которая своего мужа покормила и теперь высунулась в просвет между аквариумом и канареечной клеткой, чтобы послушать интересную историю.

– И я так подумал, – согласился Удалов. – И меня еще люди в «москвиче» обеспокоили. Чего они испугались?

– Хулиганство, ясное дело, хулиганство, – повторила старуха Ложкина.

– Знак, значит, стоит, закопан в землю, а из-за поворота слышны звон металла и всевозможные звуки строительных работ. Делаю еще десять шагов, признаюсь, что делаю их со всей осторожностью. Вижу: поперек дороги барьер. И на нем надпись черными буквами: «Проезд воспрещен». А прямо за барьером разворачивается бульдозер странного вида, а на бульдозере сидит, вы мне не поверите, инопланетный пришелец из космоса, и у него четыре руки и три глаза.

– Во дает, – сказал Погосян, который ничему не поверил.

– Валентин, еда стынет! – крикнула жена Каца из окошка.

– погоди, – ответил Кац. – Дослушаю и приду.

– Вы только подумайте, что делается, – сказала жена Каца через весь двор старухе Ложкиной. – Валентин не бежит, когда его зовут кушать!

– На голове у него был прозрачный шлем, как у космонавтов, – продолжал Удалов, прикрыв глаза, чтобы яснее представить эту картину. – Из шлема торчат проводочки, а костюм на нем оранжевого цвета. Он меня увидел, вида не подал, заглушил мотор, соскочил на землю, и вижу я, что ног у него минимум три, и что характерно – все в различной обуви. Я поздоровался, потому что был в состоянии шока, и он мне тоже говорит: «Здравствуйте».

– Во дает! – сказал Погосян. – «Здравствуйте», значит, на межпланетном языке, а Корнелий, ясное дело, ему обучен, да?

– С детства, – согласился с шуткой Грубин, который оставил свое дело и ни слова из сказанного не пропускал.

– Он мне сказал по-русски, – возразил Удалов. – Ну и я ему ответил: «Кто дал указание работы проводить?»

– Конечно, – сказал Грубин. – Видим мы человека на трех ногах, гостя из далеких звездных миров, а вместо «добро пожаловать» сразу ему ляпаем: «Кто дал указание?»

– Я перепугался, – проговорил Удалов. – В другом случае я бы ему все как надо сказал. А тут с перепугу взял быка за рога.

– А у него и рога были? – удивилась старуха Ложкина.

– Это он фигурально, – пояснил Василь Васильич.

– Я пошел, – сказал Погосян. – Я пошел, а то он меня вместо ужина, понимаешь, баснями кормит.

Но Погосян никуда не ушел. Ему хотелось, чтобы его стали останавливать, говорить, что все это шутка, но никто не останавливал и не говорил. Все знали, что, хотя у Удалова сильно развито воображение, хотя он человек нервный, он крайне правдив.

– Я его спрашиваю, – продолжал между тем Удалов, – а он машет своими ручонками и говорит: «Скандал, безобразие получается».

– Крупные они, пришельцы? – спросил Василь Васильич.

– Нет, не крупные, с третьеклассника.

– Я так и думал, – сказал Василь Васильич. – Откуда им быть крупными?

– Я хотел под шлагбаум подлезть, а он сначала не пускал, на надпись показывал, лопотал, что вход воспрещен. Ну, я ему и указал, что являюсь начальником стройконторы города Великий Гусяр, на окраине которого он ведет неизвестные работы.

– И не испугался?

– Испугался я потом, – признался Удалов. – А сначала меня взяло возмущение. Ездит тут на бульдозере, не пускает, людей пугает, и, что характерно, бульдозер также не нашей марки. Тогда пришелец этот оробел и говорит мне: «Извините, не будете ли так любезны проследовать за мной, поговорить с нашим руководством?»

Жена Каца высунулась из окошка по талию и чуть не свалилась вниз.

– И ты пошел?

– А чего же? Пошел. Подлез под бульдозер, завернул за поворот, а там за холмиком открылось мне удивительное зрелище. И тогда я внутренне все осознал. Метров за тридцать дорога там была полностью разрушена, будто по ней громадным молотком стукнули или лавину обрушили сверху. Но я-то сразу понял, в чем фокус, – пониже на склоне лежала, накренившись, их летающая тарелочка.

– А какие опознавательные знаки были? – спросил подозрительно Погосян.

– Без опознавательных знаков. Им это не нужно. Лежала эта тарелочка, вокруг нее масса пришельцев. Одни тарелочку чинят, другие на дороге возятся. Техника, приспособления, дорожные машины – удивительно даже, сколько добра в этой тарелочке поместилось.

Грубин вылез из окна – ноги сначала, сам потом – и подошел поближе.

– Я их спрашиваю: «Вынужденная посадка?» Из толпы ко мне один подходит, тоже на трех ногах, и отвечает: «Безобразная посадка. Хулиганская посадка. Я, скажу честно, сделал штурману строгое предупреждение». Я спрашиваю: «Зачем же так строго?» И тогда он отвечал...

В этот момент Удалов прервал свои речи, ибо почувствовал, как Шехерезада, что слушатели полностью захвачены повествованием.

Удалов повернулся к своему окну и строго спросил:

– Ксения, скоро ужинать?

Ксения ничего не ответила.

– Успеешь еще, поужинаешь, – остановил его Кац. – Ты сначала свою байку доскажи.

– Кому байка, а кому действительность, – сказал Удалов, и никто не засмеялся.

– Давай дальше, – поторопил Василь Васильич. – Прохладно становится.

– Я спрашиваю, значит, – продолжал Удалов, закуривши, – «Почему так строго?» А мне главный пришелец отвечает: «А что делать? Представьте, – говорит, – себя на нашем месте. Прилетаем мы на чужую планету. Имеем, – говорит, – строгий приказ в контакты не входить, а лишь проводить визуальные наблюдения. Туземные, – говорит, – цивилизации должны развиваться по своим законам».

– Это кто такие туземные цивилизации? – спросил Погосян.

– Мы, – ответил за Удалова Грубин.

– Мы не туземная, – сказал Погосян. – Это оскорбительное слово. Мы что, получается, голыми бегаем? Голые, да?

– Не оскорбляйся, – сказал Грубин.

А Удалов между тем продолжал:

– «Избираем, – говорит мне главный пришелец, – тихое место на окраине мелкого городка».

– Это кто такой мелкий городок? – опять перебил Погосян. – Великий Гусяр – мелкий городок, да?

– «Избираем мелкий, тихий городок, хотим сесть неподалеку, чтобы собрать образцы растительной флоры и сделать всякие снимки. И вот по вине этого головотяпа штурмана совершается катастрофа!»

– И правильно, – сказала старуха Ложкина. – Правильно, что строго предупредил штурмана. Если пустили в космос, так работай, а не ушами хлопай.

– Может, он увидел сверху, какая прекрасная наша Земля в окрестностях Великого Гусяра, – сказала жена Каца, – и рука у него дрогнула?

– А что, ихние предупреждения, они с изоляцией или как? – спросил Василь Васильич.

– Не знаю, не спрашивал, – ответил Удалов. – Если кому неинтересно, уходите. Не мешайте. Развели дискуссию.

Находясь в центре внимания, Удалов заметно обнаглел, и в тоне его появились металлические нотки. Слушатели замолкли.

– Вокруг нас роботы суетятся, машины, космонавты, спешат, чтобы их позор не стал достоянием земной общественности. Начальник шлемом качает, вздыхает по-своему и говорит далее: «А каково нам будет, если Галактика узнает, что наш корабль разрушил дорогу на Земле, в окрестностях Великого Гусяра? А представляете себе, как будут хохотать над нами нахальные акарили с планеты Цук? Как будут мяукать в припадке издевательства низменные души тумсы? Как будут качать всеми своими головами мудрые йыкики? Ведь нас же предупредят на всю Галактику...»

– Нет, не иначе как у них предупреждение со строгой изоляцией, – сказал Василь Васильич.

– И как это ты, Корнелий, запомнил все эти имена? – спросил Грубин.

– Они знали, с кем на Земле встречаться, – ответил с достоинством Корнелий. – «Представляете мое состояние», – говорит этот пришелец, и я, конечно, выражаю ему сочувствие. И тут подходит к нам еще один, в полосатом комбинезончике, черненький, с глазками врозь. И что-то по-своему лопочет. Я пока осматриваюсь, полагаю, что им с дорогой и ремонтом тарелочки придется до ночи провозиться. Даже с ихней хваленой техникой. «Не знаю, – переходит тем временем на русский язык главный пришелец. – Но надеюсь, что сама судьба послала нам разумного и доброго туземца».

– Так и сказал – туземец? – спросил Погосян.

– Так и сказал.

– Тут бы я ему ответил, – произнес Погосян. – Поставил бы его на место. Ведь ты же не голый был!

– Не голый, в пиджаке, – сказал Удалов. – Только я об этом не думал. Они со мной как с братом по разуму разговаривали. Зачем же междупланетные отношения обострять без надобности?

– Правильно, – сказал Василь Васильич, – а то они бы тебя предупредили, только мы тебя и видели.

– Ой! – сказала жена Каца. – Какая опасность.

– Ничего, – успокоил ее Удалов. – Я им сразу ответил: если есть просьба или поручение, люди Земли и Великого Гусляра в моем лице готовы прийти им на помощь.

– Молодец! – одобрил Василь Васильич. – По-нашему ответил.

– И тогда он мне говорит, что есть просьба. Дорогу они починят, следов не останется, тарелочку свою уберут на околоземную орбиту. Но вот белил у них нету.

– Чего?

– Белил. Масляных. Они по обочине дороги вывернули столбики, в труху превратили. А столбики должны быть окрашены в белый цвет во избежание аварии движущегося транспорта. Он меня и просит: принеси, дорогой брат по разуму, нам банку белил. Мы тебя по-царски отблагодарим. Я ему отвечаю: не надо мне наград, всегда готов. А он мне отвечает, что Галактика моей скромной услуги никогда не забудет. Ну и побежал я обратно в город...

Слушатели с минуты сидели в молчании, осознали, то ли Удалов свой рассказ завершил, то ли будет продолжение. Солнце клонилось к реке, тени стали длиннее, прохладный ветерок потянул из-за леса. У Кацев пригорел ужин, но жена Валентина этого не замечала.

– И всё? – спросил наконец Грубин.

– Почти что, – ответил Удалов. Его праздник кончился. Кончился вместе с рассказом. – Я целый час эту банку искал. И кисть тоже. Хозяйственный закрыт, на складе сторож обедать ушел, и так далее. Потом прибежал все-таки к ним, нельзя же людей подводить. Прибежал, а знака дорожного нету. И ничего нету. Ни тарелочки, ни машин, ни роботов. Пустота.

– А дорога?

– Дорога полностью починена.

– И ты домой пришел?

– Нет, – сказал Удалов. – Сначала я свое обещание выполнил. Я столбики покрасил.

– А они некрашенные были?

– Некрашенные. Четыре столбика. Новенькие, но некрашенные. И около одного записка лежала. Показать?

– Конечно.

– Смотрите.

Удалов достал из кармана сложенную вчетверо записку. Развернул, разгладил на столе. И прочел вслух. Остальные склонились к столу и читали, повторяли за ним слово в слово. Вот что написано было в записке. Печатными буквами, черными чернилами:

«Заранее благодарны за помощь. Столбики к вашим услугам. Ваша помощь не будет забыта. Просьба о происшедшем не распространяться».

– И без подписи, – сказал Погосян.

– И правильно, что без подписи, – сказал Василь Васильич. – Только ты, Удалов, доверия не оправдал, и будет тебе при первом же случае серьезное предупреждение с последствиями.

– Это почему же? – вскинулся Удалов.

– Просили не разглашать. А ты разгласил. Знаешь, что за это бывает?

– Ничего подобного! – сказал Удалов с обидой. – Они тоже хороши. Я бы молчал, а они улетели – и никаких следов. Может, мне хотелось им вопросы задать? Может, мне хотелось с ними о будущем посоветоваться? Может, они из благодарности могли не записочку оставить, а хоть какой бульдозер ихней марки для нашей конторы? Разве не правильно я говорю?

И все согласились, что правильно.

– Я даже адреса их не спросил, с какой планеты они прилетели, даже не узнал, что они будут делать, если агрессоры развяжут на Земле ядерную войну. Разве так себя ведут настоящие пришельцы?

И все согласились, что настоящие пришельцы себя так не ведут.

Потом опять все немного помолчали, переваривая серьезное событие. И Погосян спросил:

– А доказательства у тебя, Удалов, есть?

– Какие еще доказательства?

– А доказательства, что ты сегодня с пришельцами виделся?

– Ну, знаете! – возмутился Удалов. – Ну, знаете! А банка эта, которая на виду у вас посреди двора стоит? Из-под белил. Сегодня же брал на складе. За наличный расчет. Зачем мне белила? Зачем мне, спрашиваю, белила? Вы же в курсе, что состою на руководящей работе.

– Правильно говорит, – сказал Василь Васильич. – Зачем ему про белила было врать?

– И завтра же, в воскресенье, – сказал Удалов нервно, – пойдем все вместе на ту дорогу. И вы эти столбики увидите, свежепокрашенные. И такие эти столбики гладкие и ровные, что нашим плотникам никогда не сделать.словно импортная мебель. И краска на четырех еще свежая.

– Кор-не-лий! – крикнула из окна Ксения Удалова, которая была не в курсе и потому к Удалову уважения не ощущала. – Мне что, третий раз суп греть?

– Иду, Ксюша, иду, – ответил Удалов. – До завтра, – сказал он друзьям и соседям.

– Чего уж там, – сказал ему вслед Василь Васильич, – почему не верить человеку? Конечно, мы ему поверим.

И все поверили. И не поехали на следующий день на ту дорогу, хоть Удалов и уговаривал. Что толку на столбики смотреть?

С тех пор в Великом Гусяре ждали нового прилета братьев по разуму. Потому что уже какие-никакие связи налажены. Связи личного характера.

Поступили в продажу золотые рыбки

Зоомагазин в городе Великий Гусляр делит скромное помещение с магазином канцпринадлежностей. На двух прилавках под стеклом лежат шариковые авторучки, ученические тетради в клетку, альбом с белой чайкой на синей обложке, кисти щетинковые, охра темная в тюбиках, точилки для карандашей и контурные карты. Третий прилавок, слева от двери, деревянный. На нем пакеты с расфасованным по полкило кормом для канареек, клетка с колесом для белки и небольшие сооружения из камней и цемента с вкрапленными ракушками. Эти сооружения имеют отдаленное сходство с развалинами средневековых замков и ставятся в аквариум, чтобы рыбки чувствовали себя в своей стихии.

Магазин канцпринадлежностей всегда выполняет план. Особенно во время учебного года. Зоомагазину хуже. Зоомагазин живет надеждой на цыплят, инкубаторных цыплят, которых привозят раз в квартал, и тогда очередь за ними выстраивается до самого рынка. В остальные дни у прилавка пусто. И если приходят мальчишки поглазеть на гуппи и мечехвостов в освещенном лампочкой аквариуме в углу, то они этих мечехвостов здесь не покупают. Они покупают их у Кольки Длинного, который по субботам дежурит у входа и раскачивает на длинной веревке литровую банку с мальками. В другой руке у него кулек с мотылем.

– Опять он здесь, – говорит Зиночка Вере Яковлевне, продавщице в канцелярском магазине, и пишет требование в область, чтобы прислали мотыля и породистых голубей.

Нельзя сказать, что у Зиночки совсем нет покупателей. Есть несколько человек. Провизор Савич держит канарейку и приходит раз в неделю в конце дня, по пути домой из аптеки. Покупает полкило корма. Забегает иногда Грубин, изобретатель и неудавшийся человек. Он интересуется всякой живностью и лелеет надежду, что рано или поздно в магазин поступит амазонский попугай ара, которого нетрудно научить человеческой речи.

Есть еще один человек, не покупатель, совсем особый случай. Бывший пожарник, инвалид Эрик. Он приходит тихо, встает в углу за аквариумом, пустой рукав заткнут за пояс, обожженная сторона лица отвернута к стенке. Эрика все в городе знают. В позапрошлом году одна бабушка утюг забыла выключить, спать легла. Эрик первым в дом успел, тащил бабушку на свежий воздух, но опоздал – балка сверху рухнула. Вот и стал инвалидом. В двадцать три года. Много было сочувствия со стороны граждан, пенсию Эрику дали по инвалидности, но старую работу пришлось бросить. Он, правда, остался в пожарной команде, сторожем при гараже. Учитя левой рукой писать, но слабость у него большая и стеснительность. Даже на улицу выходить не любит.

Эрик приходит в магазин после работы, чаще если плохая погода, прихрамывает (нога у него тоже повреждена), забивается в уголок за аквариум и глядит на Зиночку, в которую он влюблен без взаимности. Да и какая может быть взаимность, если Зиночка хороша собой, пользуется вниманием многих ребят в речном техникуме и сама вздыхает по учителю биологии в первой средней школе. Но Зиночка никогда Эрику плохого слова не скажет.

Третий квартал кончался. Осень на дворе. Зиночка очень надеялась получить хороший товар, потому что в области тоже должны понимать – план сорвется, по головке не поглядят.

Зина угадала. 26 сентября день выдался ровный, безветренный. От магазина виден спуск к реке, даже лес на том берегу. По реке, лазурной, в цвет неба, но гуще, тянутся баржи, плоты, катера. Облака медленно плывут по небу, чтобы каждым в отдельности можно было полюбоваться. Зиночка товар с ночи получила, самолетом прислали, Ан-2, пришла на работу пораньше, полюбовалась облаками и вывесила объявление у двери:

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Вернулась в магазин. Рыбки за ночь в большом аквариуме ожили, плавали важно, чуть шевелили хвостами. Было их много, десятка два, и они собой являли исключительное зрелище. Ростом невелики, сантиметров десять – пятнадцать, спинки ярко-золотые, а к брюшку розовеют, словно начищенные самоварчики. Глаза крупные, черного цвета, плавники ярко-красные.

И еще прислали из области бидон с мотылем. Зиночка выложила его в ванночку для фотопечати. Мотыль кишел темно-красной массой и все норовил выползти наверх по скользкой белой эмали.

– Ах, – сказала Вера Яковлевна, придя на работу и увидев рыбок. – Такое чудо, даже жалко продавать. Я бы оставила их как инвентарь.

– Все двадцать?

– Ну не все, а половину. Сегодня у тебя большой день намечается.

И тут хлопнула дверь и вошел старик Ложкин, любящий всех поучать. Он прошел прямо к прилавку, постоял, пошевелил губами, взял двумя пальцами щепоть мотыля и сказал:

– Мотыль столичный. Достойный мотыль.

– А как рыбки? – спросила Зиночка.

– Обыкновенный товар, – ответил Ложкин, сохраняя гордую позу. – Китайского происхождения. В Китае эти рыбки в любом бассейне содержатся из декоративных соображений. Миллионами.

– Ну уж не говорите, – обиделась Вера Яковлевна. – Миллионами!

– Литературу специальную надо читать, – сказал старик Ложкин. – Погляди в накладную. Там все сказано.

Зиночка достала накладную.

– Смотрите сами, – сказала она. – Я уж проверяла. Не сказано там ничего про китайское их происхождение. Наши рыбки. Два сорок штука.

– Дороговато, – определил Ложкин, надевая старинное пенсне. – Дай самому убедиться.

Вошел Грубин. Был он высок ростом, растрепан, стремителен и быстр в суждениях.

– Доброе утро, Зиночка, – сказал он. – Доброе утро, Вера Яковлевна. У вас новости?

– Да, – сказала Зиночка.

– А как насчет попугая? Не выполнили моего заказа?

– Нет еще – ищут, наверное.

По правде говоря, Зиночка бразильского попугая ара и не заказывала. Подозревала, что засмеют ее в области с таким заказом.

– Любопытные рыбки, – сказал Грубин. – Характерный золотистый оттенок.

– Для чего характерный? – строго спросил старик Ложкин.

– Для этих, – ответил Грубин. – Ну, я пошел.

– Пустяковый человек, – сказал ему вслед Ложкин. – Нет в накладной их латинского названия.

В магазин заглянул Колька Длинный. Длинным его прозвали, наверное, в насмешку. Был он маленького роста, волосы на лице, несмотря на сорокалетний возраст, у него не росли, и был он похож на большого грудного младенца. В обычные дни Зиночка его в магазин не допускала, выгоняла криком и угрозами. Но сегодня, как увидала в дверях, восторжествовала и громко произнесла:

– Заходи, частный сектор.

Коля подходил к прилавку осторожно, чувствуя подвох. Пакет с мотылем он зажал под мышкой, а банку с мальками спрятал за спину.

– Я на золотых рыбок только посмотреть, – проговорил он тихо.

– Смотри, жалко, что ли?

Но Коля смотрел не на рыбок. Он смотрел на ванночку с мотылем. Ложкин этот взгляд заметил и сказал:

– Вчетверо меньше государственная цена, чем у кровососов. И мотыль качественнее.

– Ну, насчет качественнее – это мы посмотрим, – ответил Коля. И стал пятиться к двери, где налетел спиной на депутацию школьников, сбежавших с урока, лишь слух о золотых рыбках разнесся по городу.

Старик Ложкин покинул магазин через пять минут, сходил домой за банкой и тремя рублями, купил золотую рыбку, а на остальные деньги мотыля. К этому времени приковылял и Эрик. Принес букетик астр и подложил под аквариум – боялся, что Зиночка заметит дар и засмеет. Школьники глазели на рыбок, переговаривались и планировали купить одну рыбку на всех – для живого уголка. Зиночка закинула в аквариум сачок, и Ложкин, пригнувшись, прижав пенсне к стеклу, управлял ее действиями, выбирая лучшую из рыбок.

– Не ту, – говорил он. – Мне такой товар не подсовывайте. Я в рыбах крайне начитан. Левее заноси, левее. Дай-ка я сам.

– Нет уж, – сказала Зиночка. Сегодня она была полной хозяйкой положения. – Вы мне говорите, а я найду, выловлю.

– Нет уж, я сам, – отвечал на это старик Ложкин и тянул к себе сачок за проволочную ручку.

– Перестаньте, гражданин, – вмешался Эрик. – Для вас же стараются.

– Молчать! – обиделся Ложкин. – От больно умного слышу. Кому бы учить, да не тебе.

Старик был несправедлив и говорил обидно. Эрик хотел было возразить, но раздумал и отвернулся к стене.

– Такому человеку я бы вообще рыбок не давала, – возмутилась с другого конца помещения Вера Яковлевна.

Вера Яковлевна держала в руке рейсшину, занеся ее словно для удара наотмашь.

Старик сник, больше не спорил, подставил банку, рыбка осторожно соскользнула в нее с сачка и уткнулась золотым рылом в стекло.

Зиночка отвешивала Ложкину мотыля в молчании, в молчании же приняла деньги и выдала две копейки сдачи, которые старик попытался было оставить на прилавке, но был возвращен от двери громким голосом, подобрал сдачу и еще более сник.

Когда Ложкин вышел на улицу и солнечный луч попал в банку с рыбкой, из банки вылетел встречный луч, еще более яркий, заиграл зайчиками по стеклам домов, и окна стали открываться, и люди стали выглядывать наружу, спрашивая, что случилось. Рыбка плеснула хвостом, водяные брызги полетели на тротуар, и каждая капля тоже сверкала.

Резко затормозил рядом автобус, водитель высунулся наружу и крикнул:

– Что дают, дед?

Ложкин погладил пакетиком мотыля выбритый морщинистый подбородок и ответил с достоинством:

– Только для любителей, для тех, кто понимает.

Ложкин шел домой, смущала его некоторая неловкость от грубости, учиненной им в магазине, но неловкость понемногу исчезала, потому что за Ложкиным шли, сами того не замечая, взволнованные люди, перебрасывались удивленными словами и восхищались золотой красавицей в банке.

– Принес чего? – спросила супруга Ложкина из кухни, не замечая, как светло стало в комнате у нее за спиной. – Небось пол-литра принес?

– Пол-литра чистой воды, – согласился старик. – Пол-литра в банке, и вам того же желаю.

– Нет, – сказала старуха, не оборачиваясь. – Там, на улице, и принял.

– Почему это?

– Чушь несешь.

Старик спорить не стал, раздвинул кактусы на подоконнике, подмигнул канарейкам, которые защебетали ошеломленно, увидев банку, достал запасной аквариум и понес его к крану, на кухню.

– Подвинься, – сказал он супруге. – Дай воды набрать.

Тут супруга поняла, что муж ее не пьяный, и, вытерев руки передником, заглянула в комнату.

– Батюшки! – воскликнула она. – Нам еще золотой рыбки не хватало!

Супруга нагнулась над банкой, а рыбка высунула ей навстречу острое рыльце, приоткрыла рот, будто задыхалась, и сказала негромко:

– Отпустили бы вы меня, товарищи, в речку.

– Чего? – спросила супруга.

– Воздействуйте на мужа, – объяснила рыбка почти шепотом. – Он меня без вашего влияния никогда не отпустит.

– Чего-чего? – спросила супруга.

– Ты с кем это? – удивился старик, возвращаясь в комнату с полным аквариумом.

– И не знаю, – сказала жена. – Не знаю.

– Красивая? – спросил Ложкин.

– Даже и не знаю, – повторила жена. Подумала чуть-чуть и добавила: – Отпустил бы ты ее в речку. Беды не оберешься.

– Ты чего, с ума сошла? Ей же цена два рубля сорок копеек в государственном магазине.

– В государственном? – спросила жена. – Уже дают?

– Дают, да никто не берет. Не понимают. Цена велика. Да разве два сорок для такого сказочного чуда большая цена?

– Коля, – сказала супруга, – я тебе три рубля дам. Четыре и закуски куплю. Ты только отпусти ее. Боюсь я.

– Сумасшедшая баба, – уверился старик. – Сейчас мы ее в аквариум пересадим.

– Отпусти.

– И не подумаю. Я, может быть, ее всю жизнь жду. С Москвой переписывался. Два сорок уплатил.

– Ну, как хочешь. – Старуха заплакала и пошла на кухню.

В этот момент нервы у рыбки не выдержали.

– Не уходи! – крикнула она пронзительно. – Еще не все аргументы исчерпаны. Если отпустите, три желания выполню.

Старик был человек крепкий, сухой, но аквариум при этих словах уронил, разбил и стоял по щиколотку в воде.

– Не надо нам ничего! – ответила старуха из кухни. – Ничего не надо. Убирайся в свою реку! От тебя одни неприятности.

– Не-ет, – сказал старик медленно. – Не-е-ет. Это что же получается, разговоры?

– Это я говорю, – ответила рыбка. – И мое слово твердое.

– А как же это может быть? – спросил старик, поджимая промокшую ногу. – Рыбы не говорят.

– Я гибридная, – сообщила рыбка. – Долго рассказывать.

– Изотопы?

– И изотопы тоже.

– Выкинь ее, – настаивала старуха.

– Погоди. Мы сейчас испытаем. Ну-ка, восстанови аквариум в прежнем виде, и чтобы на окне стоял, а в комнате сухо.

– А отпустишь, не обманешь?

– Честное слово, отпущу. Тебя на три желания хватает?

– На три.

– Тогда ты мне аквариум восстанови – если получится, сбегаю в магазин, еще десяток таких куплю. Или, может, ты одна говорящая?

– Нет, все, – призналась рыбка.

– Тогда ставь аквариум.

В комнате произошло мгновенное помутнение воздуха, шум, будто от пролетевшей мимо большой птицы, и тут же на окне возник целый, небитый, полный воды аквариум.

– Идет, – сказал старик. – Нормально.

– Два желания осталось, – напомнила рыбка.

– Тогда мне этот аквариум мал. Приказать, что ли, новый изобразить? Столитровый, с водорослями, а?

Старуха подошла между тем к старику, все еще находясь в состоянии смятения. Теперь же к смятению прибавился новый страх – старик легкомысленный, истратит все желания рыбки, а что, если врет она? Если она такая единственная?

– Стой! – сказала она старику. – Ты сначала других испытай. Других рыбок. Они и в малом аквариуме проживут. Ей же аквариумы строить плевое дело. Нам новый дом с палисадником куда нужнее.

– Ага, – согласился старик. – Это дело, доставай деньги из шкафа, ведро неси. Пока я буду в отлучке, глаз с нее не спускай.

– Так большой аквариум делать или как? – спросила рыбка без особой надежды.

– И не мечтай! – озлился старик. – Хитра больно. В коллективе работать будешь. У меня желаний много – не смотри, что пожилой человек.

Ксения Удалова, соседка, зашла за пять минут до этих слов к Ложкиным за солью. Соль вышла вся. Дверь открыта, соседи – свои люди, чего ж не зайти. И незамеченная весь тот разговор услышала. Старики к ней спиной стояли, а рыбка если ее и заметила, то виду не подала. Ксения Удалова, мать двоих детей, жена начальника стройконторы, отличалась живым умом и ничему не удивлялась. Как тихо вошла, так тихо и ушла, подсчитала, что Ложкиным время понадобится, чтобы ведро с водой взять, деньги достать, выбежала на двор, где Корнелий Удалов, ее муж, по случаю субботы в домино играл под опадающей липой, и крикнула ему командирским голосом:

– Корнелий, ко мне!

– Прости, – сказал Корнелий напарнику. – Отзывают.

– Это конечно, – ответил напарник. – Ты побыстрее только.

– Я сейчас!

Ксения Удалова протянула мужу плохо отмытую банку с наклейкой «Баклажаны», пятерку денег и сказала громким шепотом:

– Беги со всех ног в зоомагазин, покупай двух золотых рыбок!

– Кого покупать? – переспросил Корнелий, послушно беря банку.

– Зо-ло-тых рыбок. И бери покрупнее.

– Зачем?

– Не спрашивать! Бегом – одна нога здесь, другая там, никому ни слова. Воду не расплескай. Ну! А я их задержу.

– Кого?

– Ложкиных.

– Ксаночка, я ровным счетом ничего не понимаю, – сказал Корнелий, и его носик-пуговка сразу вспотел.

– Потом поймешь!

Ксения услышала шаги внутри дома и метнулась туда.

– Куда это тебя? – спросил Саша Грубин, сосед. – Проводить, дружище?

– Проводи, – ответил Удалов все еще в смятении. – Проводи до зоомагазина. Золотых рыбок пойду покупать.

– Быть того не может, – сказал Погосян, партнер по домино. – Твоя Ксения в жизни ничего подобного не совершала. Если только пожарить.

– А ведь и вправду, может, пожарить, – несколько успокоился Удалов. – Пошли.

Они покинули с Грубиным двор, а игроки весело рассмеялись, потому что хорошо знали и Ксению, и мужа ее Корнелия.

Не успели шаги друзей затихнуть в переулке, как в дверях дома вновь показалась Ксения Удалова. Выходила она из них спиной вперед, объемистая спина колыхалась, выдерживала большой напор. И уже видно было, что напор этот производят супруги Ложкины. Ложкин тащил ведро с водой, а старуха помогала ему толкать Ксению.

– И куда это вы так спешите, соседи дорогие? – распевала, ворковала Ксения.

– Пусти, – настаивал старик. – По воду иду.

– По какую же по воду, когда дома водопровод провели?

– Пусти! – кричал старик. – За квасом иду!

– С полным-то ведром? А я хотела у вас соли одолжить.

– И одалживай, меня только пропусти.

– А уж не в зоомагазин ли спешите? – спросила ехидно Ксения.

– Хоть и в зоомагазин, – ответила старуха. – Только нет у тебя права нас задерживать.

– Откуда знаешь? – возмутился старик. – Откуда знаешь? Подслушивала?

– А что подслушивала? Чего подслушивать?

Старик извернулся, чуть не сшиб Ксению и бросился к воротам. Старуха повисла на Удаловой, чтобы остановить ее, метнувшуюся было вслед.

– Ой-ой, – произнес Погосян. – Он тоже за золотой рыбкой побежал. Зачем побежал?

– Жили без золотых рыбок, – ответил ему Кац, – и проживем, мешай кости.

– Ой-ой, – сказал Погосян. – Ксения Удалова настолько хитрая баба, что ужас иногда берет. Смотри-ка, тоже побежала. И старуха Ложкина за ней. Играйте без меня. Я, пожалуй, понимаю, пойду по городу погуляю.

– Валентин! – крикнула Кацу жена со второго этажа. Она услышала шум на дворе и внимательно к нему прислушивалась. – Валентин, у тебя есть деньги? Дойди до зоомагазина и посмотри, что дают. Может, нам уже не достанется.

Через полторы минуты весь дом в составе тридцати – сорока человек бежал по Пушкинской улице к зоомагазину, кто с банками, кто с бутылками, кто с пластиковыми пакетами, кто просто так, любопытствовать.

Когда первые из них подбежали к зоомагазину, перед дверью с надписью «Поступили в продажу золотые рыбки» стояла толпа.

Город Великий Гусляр невелик, и жизнь в нем дві жется по привычным и установившимся путям. Люди ходят в кино, на работу, в техникум, в библиотеку, и в том нет ничего удивительного. Но стоит случиться чему-то необычайному, как по городу прокатывается волна тревоги и возбуждения. Совсем как в муравейнике, где вести проносятся по всем ходам за долю секунды, потому что у муравьев есть на этот счет шестое чувство. Так вот, Великий Гусляр тоже пронизан шестым чувством. Шестое чувство привело многочисленных любопытных поглядеть на золотых рыбок. Шестое же чувство разрешило их сомнения – покупать или не покупать. Покупать, поняли граждане Гусляра в тот момент, когда в магазин влетели, не совсем еще

понимая, зачем они это делают, Удалов с Грубиным, и Удалов, запыхавшись, сунул Зиночке пять рублей и сказал:

– Две рыбки золотые заверните, пожалуйста.

– Это вы, Корнелий Иванович? – удивилась Зиночка, которая жила на той же улице, что и Удалов. – Вам Ложкин посоветовал? Вам самца с самочкой?

– Зиночка, не продавай им рыбок, – сказал из-за аквариума инвалид Эрик, который все никак не мог собраться с силами, чтобы покинуть магазин.

– Молодой человек, – прервал его Грубин. – Только из уважения к вашему героическому прошлому я воздерживаюсь от ответа. Зиночка, вот банка, кладите товар.

У Зиночки на глазах были слезы. Она взяла сачок и сунула его в аквариум. Рыбки бросились от него врассыпную.

– Тоже понимают, – проговорил кто-то.

В дверях возникло шевеление – старик Ложкин пытался с ведром пробиться поближе к прилавку.

– Вы не церемоньтесь с ними, – сказал Удалов. – Все равно поджарим.

– Мне дайте, мне! – кричал от двери Ложкин. – Я любитель. Я их жарить не буду!

В общем шуме потонули отдельные возгласы. К Зиночке тянулись руки с зажатými рублями, и, желая оградить ее от мятежа, Эрик приподнял костыль, стукнул им об пол и крикнул:

– Тишина! Соблюдайте порядок!

И наступила тишина.

И в этой тишине все услышали, что рыбка, высунувшая голову из аквариума, сказала:

– Это совершенное безумие нас жарить. Все равно что уничтожить куриц, несущих золотые яйца. Мы будем жаловаться.

Тишина завладела магазином.

Вторая рыбка подплыла к первой и произнесла:

– Мы должны получить гарантии.

– Какие? – спросил Грубин тонким голосом.

– Три желания на каждую. И ни слова больше. Потом – на свободу.

Наступила пауза.

Потом медленное движение к прилавку, ибо любопытство – сильное чувство и желание посмотреть на настоящих говорящих рыбок влекло людей, как магнит.

Через пять минут все было окончено. В пустом магазине на пустом прилавке стоял пустой аквариум. Вода в нем еще покачивалась. Зиночка тихо плакала, пересчитывая выручку. Эрик все так же стоял в углу и потирал здоровой рукой помятый бок. Потом нагнулся, поднял с пола почти не пострадавший букетик цветов и вновь положил на прилавок.

– Не расстраивайтесь, Зиночка. Может, в следующем квартале снова пришлют. Я только жалею, что мне не досталось. Я бы вам свою отдал.

– Я не об этом, – всхлипнула Зиночка. – Какая-то жадность в людях проснулась. Даже стыдно. И старик Ложкин кричит – мне десять штук, и вообще.

– Я очень жалею, что не смог для вас взять, – повторил Эрик. – До свидания.

Он ушел. Вера Яковлевна, дожидавшаяся, пока никого в магазине не останется, подошла к Зиночке, держа в руке палехскую шкатулку. В шкатулке еле умещались две рыбки.

– Я все-таки купила, – сообщила она. – Ты ведь и не заметила. Я поняла, что, если стоять и ждать, пока это столпотворение продолжается, ничего не достанется. Ведь ты не догадалась хотя бы две-три штуки отложить.

– Куда там, – сказала Зиночка. – Я очень рада, что вы успели. А я и не заметила. Такая свалка – я только деньги принимала и рыбок вылавливала.

– Одна твоя. Деньги мне с полочки отдашь.

– Не надо мне, – отказалась Зиночка. – Я и права не имею их взять.

– Тогда я тебе дарю. На день рождения. И не сходи с ума. Кто от счастья отказывается? У тебя даже шубки нет, а зима на носу.

– Нет, нет, ни за что! – И Зиночка заплакала еще горше.

– Чего уж там, – сказала из шкатулки рыбка. – Все равно одному человеку больше трех желаний нельзя загадать. Хоть бы у него сто рыбок было. А шубу тебе надо – я сделаю. Ты какую хочешь – норковую или каракуль?

– Вот и отлично, – проговорила Вера Яковлевна. – Где сачок? Мы ее тебе пересадим. Я очень рада.

– Ну как же можно! – сопротивлялась Зиночка.

В дверь заглянула незнакомая женщина и спросила:

– Рыбки еще остались?

– Кончились, – ответила Вера Яковлевна, прикрывая крышку палехской шкатулки. – Теперь они будут приходить. Закроем магазин? Все равно – какая сегодня торговля?

– Я должна в область, в управление торговли отчет написать, – сказала Зиночка. – Я очень боюсь, что нам товар по ошибке отгрузили.

– Вот и напишешь дома. Пошли.

Зиночка послушалась. Сняла объявление с двери, заперла ее, спрятала выручку. Вера Яковлевна достала еще одну шкатулку и отсадила в нее рыбку для Зиночки. Продавщицы вышли из магазина через заднюю дверь.

– А ты хоть помнишь кого-нибудь, кто рыбок покупал? – спросила Вера Яковлевна.

– Мало кого помню. Ну, сначала, еще до всей этой истории, Ложкин был. И кружок юннатив из средней школы. Потом снова Ложкин. И Савич. И этот длинный из горздрава, и Удалов с Грубиным по штуке. А остальных разве припомнишь?

– Боюсь, – сказала на это Вера Яковлевна, – боюсь, что поздно гадать – результаты скоро будут налицо.

– То есть как так?

– Ты думаешь, что за желания будут?

– Не знаю. Разные. Ну, может, денег попросят.

– Денег нельзя. Только ограниченные суммы, – вмешалась из коробочки рыбка. Голос ее был глух и с трудом проникал сквозь лаковую крышку.

– Ой! – вскрикнула Зиночка.

Они вышли в переулок, утром еще пыльный и неровный. Переулок был покрыт сверкающим ровным бетоном. Бетон расстилался во всю его ширину, лишь по обочинам вместо утренних канав тянулись аккуратные полосы тротуара. Заборы вдоль переулка были выкрашены в приятный глазу зеленый цвет, а в палисадниках благоухали герани.

– Ничего особенного, – сказала Вера Яковлевна, морально готовая к чудесам. – Наверно, кто-то из горсовета рыбку купил. Вот и выполнил годовой план по благоустройству.

– Что же будет?.. – спросила Зиночка, осторожно ступая на тротуар.

– Я так полагаю, – ответила Вера Яковлевна, по-солдатски печатая шаг по асфальту, – я так полагаю, что надо получить отдельную квартиру. Впрочем, ты, рыбка, не спеши, я еще подумаю.

Дома Зиночка достала большую банку. Выплеснула туда рыбку из шкатулки и понесла на кухню, чтобы долить водой.

– Сейчас будет тебе чистая вода, – сказала она. – Потерпи минутку.

Зиночка открыла кран, и прозрачная жидкость хлынула в банку.

– Стой! – крикнула рыбка. – Стой, ты с ума сошла! Ты меня погубить хочешь? Закрой кран! Вынь меня сейчас же! Ой-ой-ой!

Зиночка испугалась, выхватила рыбку, сжала в кулаке. По кухне распространялся волнами едкий запах водки.

– Что такое? – удивилась Зиночка. – Что случилось?

– Воды! – прошептала рыбка. – Воды... умираю.

Зиночка метнулась по кухне, нашла чайник. На счастье, в нем была вода. Рыбка ожива. Струйка водки все текла из крана, дурманом заполняя кухню.

– Откуда же водка? – поразилась Зиночка.

– Понимать надо, – сказала рыбка. – Какой-то идиот проверить захотел – приказал, чтобы вместо воды в водопроводе водка текла. Видно, на молодую рыбку попал, на неопытную. Я бы на ее месте отказалась. Категорически. Это не желание, а вредительство и головотяпство.

– А где же вода теперь?

– Я так полагаю, что водка скоро кончится. Кто-нибудь другой обратное желание загадает.

– А если нет?

– Если нет – терпи. А вообще-то это безобразие! Водка попадает в трубы канализации.

Оттуда, возможно, в водоемы – так всю живность перевести можно. Вот что, Зиночка, у меня к тебе личная просьба. Преврати водку в воду. Используй желание. Мы тебе за это уникальную шубу придумаем.

– Мне уникальной не нужно, – сказала Зиночка. – На что мне уникальная. Я бы очень хотела дубленку. Болгарскую. У моей тетки в Вологде такая есть.

– Значит, тратим сразу два желания, да?

– Тратим, – согласилась Зиночка и немного пожалела, что останется лишь одно.

Шуба материализовалась на спинке стула. Шуба была светло-коричневого, нежного, теплого цвета. Ее украшал меховой белый воротник.

– Прости, но я ее подбила норкой, – призналась рыбка. – Приятно услужить хорошему человеку. Третье желание будем сейчас делать или подождем?

– Можно подождать немного? – попросила Зиночка. – Я подумаю.

– Думай, думай. Пообедай пока. И мне крошек насыпь. Ведь я как-никак живое существо.

– Простите, рада бога. Я совсем забыла.

Удалов с Ложкиным вместе вошли в дом. Грубин во дворе задержался, чтобы поделиться впечатлениями с соседями. Удалов с Ложкиным по лестнице поднимались вместе, были недовольны друг другом. Удалов укорял Ложкина:

– Хотели по секрету всё сделать? Всё себе?

Ложкин не отвечал.

– Чтобы, значит, весь город как раньше, один вы будете жить как миллионер Рокфеллер? Стыдно просто ужасно.

– А твоя жена шпионила, – сказал Ложкин резко и юркнул в дверь, за которой уже стояла, приложив к ней ухо, его супруга.

Удалов хотел было ответить нечто обидное, но и его супруга выбежала из комнаты, выхватила из рук банку и огорчилась:

– Почему только одна? Я же на две деньги давала.

– Вторую Грубин взял, – ответил Удалов. – Мы с ним вместе ходили.

– Сам бы покупал себе, – обиделась Ксения. – У тебя же дети. А он холостой.

– Ну ладно уж. Тебе что, трех желаний не хватит?

– Было бы шесть. У Ложкиных-то шесть.

– Не огорчайтесь, гражданка, – успокоила золотая рыбка. – Больше трех все равно нельзя, сколько бы рыбок ни было.

– На человека?

– На человека, или на семью, или на коллектив – все равно.

– Так, значит, Ложкин зря за второй рыбкой бегал? Зря хотел десяток купить?

– Зря. Вы не могли бы поспешить с желаниями? И отпустили бы меня подобра-поздорову.

– Потерпишь, – решительно произнесла Ксения. – А ты, Корнелий, иди руки мой и обещать садись. Все давно остыло.

Корнелий подчинился, хотя и опасался, что жена в его отсутствие загадает всякую чепуху.

У умывальника Удалова ждал приятный сюрприз. Кто-то догадался заменить воду в водопроводе водкой. Удалов не стал поднимать шума. Умылся водкой, хоть и щипало глаза, потом напился из ладошек, без закуски, и еще налил полную кастрюлю.

– Ты куда пропал? – нетерпеливо крикнула жена из комнаты.

– Сейчас, – ответил Удалов, язык которого уже чуть заплетался.

На кухню, полотенце через плечо, пришел Ложкин. Смотрел волком. Потянул носом и зыркнул глазом на кастрюлю с водкой. Удалов прижал кастрюлю к животу и быстро ушел в комнату.

– Вот, – сказал он жене. – Готовь закуску. Не мое желание, чужое.

Ксения сразу поняла, разлила по пустым бутылкам и закупила.

– Какой человек! Какая государственная голова! – хвалил неизвестного доброжелателя Удалов. – Нет чтобы себе только заказать. Всему городу радость. То-то Ложкин удивится, на меня подумает!

– А вдруг он сам!

– Никогда. Он эгоист.

– А если он на тебя подумает и сообщит куда следует, что отравляешь воду в городе, – по головке не поглядят.

– Пусть докажут. То ведь не я, а золотая рыбка.

Со двора грянула песня.

– Вот, – сказал Удалов. – Слышишь? Народ уже использует.

А Ложкин тем временем принялся умываться водкой, удивился, отплевался, потом сообразил, в чем дело, побежал с женой советоваться, а когда та пришла с посудой, вместо водки текла уже вода – результат Зиночкиного пожелания. Старуха изругала Ложкина за неповоротливость, и они стали думать, как им использовать пять желаний – два от первой рыбки да три от второй.

Грубин основное желание выполнил тут же, во дворе.

– Мне, – сказал он в присутствии многочисленных свидетелей, – желательно от тебя, золотая рыбка, получить бразильского попугая ара, который может научиться человеческой речи.

– Это несложно, – оценила рыбка. – Я сама обладаю человеческой речью.

– Согласен. – Грубин поставил банку с рыбкой на скамейку, вынул гребешок и пригладил в ожидании торжественного момента густые непослушные вихры. – Чего же ты мешкаешь?

– Одну минутку. Из Бразилии путь долог. Три, четыре, пять.

Роскошный, громадный, многоцветный, гордый попугай ара сидел на ветке дерева над головой Грубина и, чуть склонив набок голову, смотрел на собравшихся внизу обитателей двора.

Грубин задрал голову и позвал:

– Цып-цып, иди сюда, дорогая птица.

Попугай раздумывал, спуститься или нет к протянутой руке Грубина, и в этот момент во двор вышли, обнявшись и распевая громкую песню, Погосян с Кацем, также обладатели золотых рыбок. Как потом выяснилось, именно они независимо друг от друга превратили всю питьевую воду в городе в водку и, довольные результатами опыта и сходством желаний, шли теперь к людям возвестить о начале новой эры.

– Каррамба! – проговорил попугай, тяжело снялся с ветки дерева и взлетел выше крыш. Там он сделал круг, распугивая ворон, и крылья его переливались радугой. – Каррамба! – крикнул он снова и взял курс на запад, в родную Бразилию.

– Верни его! – крикнул Грубин. – Верни его немедленно!

– Это второе желание? – спросила ехидно рыбка.

– Первое! Ты же его не выполнила!

– Ты заказывал попугая, товарищ Грубин?

– Заказывал. Так где же он, золотая рыбка?

– Улетел.

– Вот я и говорю.

– Но он был.

– И улетел. Почему не в клетке?

– Потому что ты, товарищ Грубин, клетку не заказывал.

Грубин задумался. Он был человеком в принципе справедливым. Рыбка была права. Клетки он не заказывал.

– Хорошо, – согласился он. Попугая ему очень хотелось. – Пусть будет попугай ара в клетке.

Так Грубин истратил второе желание и потому, взяв клетку в одну руку, банку с рыбкой в другую, пошел к дому. И тут-то во двор вошел инвалид Эрик.

Эрик обошел уже полгорода. Он искал рыбку для Зиночки, не подозревая, что та получила ее в подарок от Веры Яковлевны.

– Здравствуйте, – сказал он. – Нет ли у кого-нибудь лишней золотой рыбки?

Грубин сторбился и тихо пошел к двери со своей ношей. У него оставалось всего одно желание и множество потребностей. Погосян помог Кацу повернуть обратно к двери. У них рыбки были также частично использованы.

Окна в комнатах Удалова и Ложкина захлопнулись.

– Я не для себя! – крикнул в пустоту Эрик.

Никто не ответил.

Эрик поправил пустой рукав и поплелся, хромя, со двора.

– Нам необходимо тщательно продумать, что будем просить, – говорила в это время Ксения Удалова мужу.

– Мне велосипед надо, – сказал их сын Максимка.

– Молчать! – повторила Ксения. – Иди погуляй. Без тебя найдем чего пожелать.

– Вы бы там поскорее, – поторопила золотая рыбка. – К вечеру нам бы хотелось в реке уже быть. До холодов нужно попасть в Саргассово море.

– Смотри-ка, – удивился Удалов. – Тоже ведь на родину тянутся.

– Икру метать, – объяснила рыбка.

– Хочу велосипед! – крикнул со двора Максимка.

– Ну угодили бы парнишке, в самом деле хочет велосипед, – сказала рыбка.

– А может, и в самом деле? – спросил Удалов.

– Я больше не могу! – возмутилась Ксения. – Все подсказывают, все мешают, все чего-то требуют...

Грубин поставил клетку с попугаем на стол и залюбовался птицей.

– Ты чудо, – сказал он ей.

Попугай не ответил.

– Так он что, не умеет, что ли? – спросил Грубин.

– Не умеет, – ответила рыбка.

– Так чего же? Ведь вроде только что «каррамба» говорил.

– Это другой был, ручной, из бразильской состоятельной семьи. А второго пришлось дикого брать.

– И чего же делать?

– Хочешь – третье желание загадай. Я его мигом обучу.

– Да? – Грубин подумал немного. – Нет уж. Сам обучу.

– Может, ты и прав, – согласилась рыбка. – И что же дальше делать будем? Хочешь электронный микроскоп?

Первым своим желанием члены биологического кружка первой средней школы – коллективный владелец одной из рыбок – создали на заднем дворе школы зоопарк с тигрятами, моржом и множеством кроликов.

Вторым желанием сделали так, чтобы им целую неделю не задавали ничего на дом.

С третьим желанием вышла заминка, споры, сильный шум. Споры затянулись почти до вечера.

Провизор Савич дошел до самого своего дома, перебирая в мыслях множество вариантов. У самых ворот его догнал незнакомый человек в очень большой плоской кепке.

– Послушай, – сказал ему человек, – ты десять тысяч хочешь?

– Почему? – спросил Савич.

– Десять тысяч даю – рыбка моя, деньги твои. Мне, понимаешь, не досталось. На базаре стоял, фруктами торговал, опоздал, понимаешь.

– А зачем вам рыбка? – спросил провизор.

– Не твое дело. Хочешь деньги? Сегодня же телеграфом.

– Так вы объясните, в конце концов, – повторил Савич, – зачем вам рыбка? Ведь я тоже, наверное, могу с ее помощью получить много денег.

– Нет, – объяснил человек в кепке. – Рыбка много денег не может.

– Он прав, – подтвердила рыбка. – Много денег я не могу сделать.

– Пятнадцать тысяч, – сказал человек в кепке и протянул руку к банке с рыбкой. – Больше никто не даст.

– Нет, – произнес Савич твердо.

Человек шел за ним, тянул руку и набавлял по тысяче. Когда он добрался до двадцати, Савич совсем озлился.

– Это безобразие! – воскликнул он. – Я иду домой, никому не мешаю. Ко мне пристают, предлагают какую-то сомнительную сделку. Рыбка-то стоит два рубля сорок копеек.

– Я тебе и два рубля тоже дам, – обрадовался человек в кепке. – И еще двадцать тысяч дам. Двадцать одну!

– Так скажите, зачем вам?

Человек в кепке приблизил губы к уху Савича:

– Машину «Волга» покупать буду.

– Так покупайте, если у вас столько денег.

– Нетрудовые доходы, – признался человек в кепке. – А так фининспектор придет, я ему рыбку покажу, вот, пожалуйста. Вы только мне квитанцию дайте, расписку, что два сорок уплатил.

– Уходите немедленно! – возмутился Савич. – Вы жулик!

– Зачем так грубо? Двадцать три тысячи даю. Хорошие деньги. Голый по миру пойду.

– Гони его, – сказала рыбка. – Он мне тоже неприятен.

– Вот видите, – сказал Савич.

– Двадцать четыре тысячи!

– Вот что, – решил Савич. – Чтобы этот человек немедленно улетел отсюда к себе домой. Чтобы и следа его не было. Я больше не могу.

– Исполнять? – спросила рыбка.

– Немедленно!

И человек закрутился в смерчике и пропал. Лишь кепка осталась на мостовой.

– Спасибо, – сказал Савич рыбке. – Вы не представляете, как он мне надоел. Теперь пойдете ко мне домой, и мы с честью используем оставшиеся желания.

В тот день в городе произошло еще много чудес. Некоторые остались достоянием частных лиц и их семей, некоторые стали известны всему Великому Гуслиару. Тут и детский зоопарк, который поныне одна из достопримечательностей города, и история с водкой в водопроводе, и замошенный переулок, и появление в универмаге большого количества французских духов, загадочное и необъясненное, и грузовик, полный белых грибов, виденный многими у дома Сенькиных, и даже типун на языке одной скандальной особы, три свадьбы, неожиданные для окружающих, и еще, и еще, и еще.

К вечеру, к сроку, когда рыбок надо было нести к реке, большинство желаний было исчерпано.

По Пушкинской, по направлению к набережной, двигался народ. Это были и владельцы рыбок, и просто любопытные.

Шли Удаловы всем семейством. Впереди Максим на велосипеде. За ним остальная семья. Ксения сжимала в руке тряпочку, которой незадолго перед тем стирала пыль с нового рояля фирмы «Беккер».

Шел Грубин. Нес не только банку с рыбкой, но и клетку с попугаем. Хотел, чтобы все видели – мечта его сбылась.

Шли Ложкины. Был старик в новом костюме из шевиота, и еще восемь неплохих костюмов осталось в шкафу.

Шли, обнявшись, Погосян с Кацем. Несли вдвоем бутылку. Чтобы не оставлять на завтра.

Шла Зиночка.

Шел Савич.

Шли все другие.

Остановились на берегу.

– Минутку, – сказала одна из золотых рыбок. – Мы благодарны вам, обитатели этого чудесного города. Желания ваши, хоть и были зачастую скороспелы, порадовали нас разнообразием.

– Не все, – возразили ей рыбки из банки Погосяна-Каца.

– Не все, – согласилась рыбка. – Завтра многие из вас начнут мучиться. Корить себя за то, что не потребовали золотых чертогов. Не надо. Мы говорим вам: завтра никто не почувствует разочарования. Так мы хотим, и это наше коллективное рыбье желание. Понятно?

– Понятно, – ответили жители города.

– Дурраки, – сказал попугай ара, который оказался способным к обучению и уже знал несколько слов.

– Теперь нас можно опускать в воду, – произнесла рыбка.

– Стойте! – раздался крик сверху.

Все обернулись в сторону города и оцепенели от ужаса. Ибо зрелище, представшее глазам, было необычайно и трагично.

К берегу бежал человек о десяти ногах, о множестве рук, и он махал этими руками одновременно.

И когда человек подбежал ближе, его узнали.

– Эрик! – сказал кто-то.

– Эрик, – повторяли люди, расступаясь.

– Что со мной случилось? – кричал Эрик. – Что со мной случилось? Кто виноват? Зачем это?

Лицо его было чистым, без следов ожога, волосы встрепаны.

– Я по городу бегал, рыбку просил, – продолжал страшный Эрик, жестикулируя двадцатью руками, из которых одна была слева, а остальные справа. – Я отдохнуть прилег, а проснулся – и вот что со мной случилось!

– Ой, – сказала Зиночка. – Я во всем виновата. Что я наделала. Но я хотела как лучше, я загадала, чтобы у Эрика новая рука была, чтобы новая нога стала и лицо вылечилось. Я думала как лучше – ведь у меня желание оставалось.

– Я виноват, – добавил Ложкин. – Я подумал – зря человека обижаем. Я ему тоже руку пожелал.

– И я, – произнес Грубин.

– И я, – сказал Савич.

И всего в этом созналось восемнадцать человек. Кто-то нервно хихикнул в наступившей тишине. И Савич спросил свою рыбку:

– Вы нам помочь не можете?

– Нет, к сожалению, – ответила рыбка. – Все желания исчерпаны. Придется его в Москву везти, отрезать лишние конечности.

– Да, история, – сказал Грубин. – В общем, если нужно, то берите обратно моего чертова попугая.

– Дуррак, – сказал попугай.

– Не поможет, – ответила рыбка. – Обратной силы желания не имеют.

И тут на сцене появились юннаты из первой средней школы.

– Кому нужно лишнее желание? – спросил один из них. – Мы два использовали, а на одном не сговорились.

Тут дети увидели Эрика и испугались.

– Не бойтесь, дети, – успокоила их золотая рыбка. – Если вы не возражаете, мы приведем в человеческий вид пожарного Эрика.

– Мы не возражаем, – сказали юннаты.

– А вы, жители города?

– Нет, – ответили люди рыбкам.

В тот же момент произошло помутнение воздуха, и Эрик вернулся в свое естественное, здоровое состояние. И оказался, кстати, вполне красивым и привлекательным парнем.

– Опля! – воскликнули рыбки хором, выпрыгнули из банок, аквариумов и прочей посуды и золотыми молниями исчезли в реке.

Они очень спешили в Саргассово море метать икру.

Средство от давления

Космический гость жил некоторое время в крайнем доме, у Свириных. Был он покалечен, сильно страдал, но с врачами или учеными встречаться отказывался, уверял, что пользы это не принесет. Кроме того, подчиняясь своим правилам, полагал, что время для контактов с человечеством еще не наступило.

– И что случится, – отвечал он на настойчивые уговоры старика Свирина, – что случится, если я приду в город и начну всех убеждать, что я есть пришелец с иной планеты? Ни доказательств, ни внешнего вида. Мне суждена жалкая судьба Дмитрия Самозванца.

Дед Свирина смотрел на гостя с сочувствием, брал под руку, уходил с ним на берег речки, посидеть в тени под вязом и послушать рассказы о прелестях дальних планет.

К осени пришелец, так и не дождавшись вестей или помощи от братьев, помер. Похоронили его под именем свиринского племянника. От пришельца остались какие-то склянки, порошки и ломаные схемы, как от транзисторного приемника. Он, бывало, колдовал над ними, но к чему стремился – непонятно.

Дед Свирина, единственный близкий пришельцу человек, разобрал баночки и на некоторые приклеил этикетки, чтобы не перепутать при продолжении опытов. А потом и сам в декабре, под Новый год, скончался. В доме осталась Мария, его вторая жена, грузная добрая женщина, недавно вышедшая на пенсию, ростом и осанкой схожая с императрицей Анной Иоанновной, как ее описывал историк Соловьев. А в комнате направо от сеней жила Аида – ей Свирины сдавали жилплощадь, и Аида, женщина одинокая, озлобленная неудачной личной жизнью, просиживала вечера у телевизора, часто щелкая с программы на программу, чтобы не упустить увлекательной передачи.

Мария Свирина телевизор не жаловала, предпочитала кино, хотя туда ходила редко, мучилась от жестокой гипертонии, вязала носки и шарфы, отсылала их детям от первого брака, живущим в Боровске и Касимове.

В воскресенье с утра Мария с Аидой решили устроить генеральную уборку. Надвигалась Пасха, за ней вплотную Первомай, весна пришла в Великий Гусляр, и ветки вербы, срезанные Аидой у реки, давно уже распушились.

Мария передвигалась по дому медленно, не нагибалась, – вчера докторша прописала постельный режим, грозилась забрать в больницу. Аида быстро носилась по комнатам, взмахивала тряпкой, как знаменем, гремела ведрами, пергаментное лицо ее покраснелось, пошло пятнами, серые гладкие волосы разметались космами, а нос еще более заострился и побелел.

– Мария! – кричала она из сеней. – Здесь валенки твоего старика. Рваные совсем. Выбросим или как?

Мария медленно разворачивалась, проплывала в сени, мяла обмякшие латаные валенки, чувала в них родной запах, капала слезами и упрашивала квартирантку:

– Может, в сундук их положим? Пригодятся.

– Куда они пригодятся? Рыбу ловить? – сердилась Аида. – Ты бы рада все барахло в доме беречь. Старик на тот свет не взял, а ты бережешь. Я уж с татариним договорилась. Завтра придет, заберет, обещал хорошо за старье заплатить. Вот гляди, тут и склянки стоят. Я их тоже выкину.

Склянки стояли на полочке, прикрытые сверху газетой.

– Это от гостя остались, – сказала Мария. – Старик с ними колдовал. Может, пригодятся.

– И все тебе пригодится! – кипятилась Аида. – Я их сейчас в мешок.

Мария собрала склянки в подол и отнесла их в комнату. Там осторожно высыпала на стол, покрытый протертой скатертью с ослабившимися мордами тигров по углам. Склянки и коробки были разные – из-под майонеза, простокваши, валерьянки и комплексного витамина.

Мария расставила склянки по росту, вспомнила, как совсем еще недавно этим же делом занимался старик, как он надевал новые в темной оправе очки, вздыхал и повторял:

– Какие знания! Какие знания утеряны. Он же все это из подручных средств составлял и очень надеялся, если за ним не прилетят, принести большую пользу людям. А теперь как?

Склянки и коробочки стояли в ряд на столе, армия эта была невзрачная, и трудно было поверить, что в таких оболочках могут скрываться чудесные неземные знания. Старик, правда, кое-что знал. Перед смертью прищелец успел открыться. Вот, к примеру, на этой баночке наклеена бумажка и написано знакомым почерком, как в кроссвордах, разгаданных стариком в «Огоньке»: «Средство от давления».

– Чего в склянках нашла? Ничего не нашла? Давай я их во двор снесу.

– Смотри. Старик мой писал. «Средство от давления».

– Мало чего он писал? Может, это для кошек или для хромых предназначено. Я бы на твоём месте выбросила, и дело с концом.

– Нет, – сказала Мария. – Может, я сама воспользуюсь. Все равно мне от врачей пользы почти никакой.

– Пользуйся, если желаешь, – сказала Аида. – Только книжку сберегательную мне оставь.

– Какую книжку? Нет у меня книжки.

– Может, и нет, но оставь, а то на какие шиши-барыши буду тебе гроб покупать?

Мария подняла медленно свое большое мягкое тело, возвысилась, как гора, над квартиранткой и сказала, хоть тихо, но с угрозой:

– Тебя, Аида, я, во всяком случае, переживу и на гроб тебе не поскуплюсь. И не тебе, божья овца, меня учить.

В последних словах скрывалось неодобрение Марии Аидиной набожности, смирения, ибо смирение было ложным и зачастую злобным.

– Ой, чего ты говоришь, старуха! – ответила Аида, отступая к двери. – Пей свои порошки, живи, сколько тебе желается, я зла не держу на тебя. Только уволь меня от нареканий. При моем одиночестве и тихой жизни такие слова слушать неприятно.

– И выпью, – сказала Мария. – А ты мне воды принеси. На запивку. стакан вымой сперва.

– Сделаю, сделаю, – ответила Аида.

Мария снова села на стул, дожидаясь, пока вернется квартирантка, и на душе было горько и скорбно от предчувствий и скрытого раздражения на саму себя. Мария уже знала, что сомнительное лекарство она выпьет, потому что отступать от своих слов при Аиде никак нельзя. Сегодня отступишь, а потом Аида, сильная своим смирением, сядет на шею, загребет власть в доме, а то и сам дом.

Косые лучи солнца пробивались сквозь сережки вербы, ложились узором на старую скатерть и поблескивали на боках склянок. Ломило в затылке, и хотелось прилечь.

– Вот стакан, – сказала Аида. – Я на кухне разбираться буду. Там барахла набралось – страшное дело. Для тараканов раздолье.

Мария дождалась, пока квартирантка выйдет из комнаты, сама взяла из буфета столовую ложку и насыпала ее до половины. Больше сыпать не стала – хоть и доверяла покойнику мужу, что на банке с ядом не написал бы: «Средство от давления». Решила, что хватит.

Порошок был горек, вязал рот, и пришлось выпить стакан воды до дна, прежде чем смыла с языка гадкий привкус.

Потом она просидела еще с полминуты, ожидая действия порошка, но не дождалась и пошла на кухню, чтобы приглядеть за Аидой. Та под шумок могла нужные вещи выкинуть, польститься на малую корысть от завтрашнего посещения дома старьевщиком.

– Ну как? – спросила Аида, стоявшая на табуретке, лицом к полкам с посудой.

– Лучше стало, – ответила Мария.

И ей в самом деле показалось, что стало лучше, появилась легкость в голове и во всем теле.

– Ну и слава богу, – сказала Аида, не простившая Марии вспышку гнева.

– Ты пол вымой, – сказала Мария, – а я пыль с полок сотру.

– Куда уж тебе, – не согласилась Аида. – Ты небось на табуретку в последние годы не вставала.

– Ничего, встану, – сказала Мария. – Порошок на меня хорошо действует.

– Как желаете, – сказала Аида и легко прыгнула на пол. – Тряпку возьми.

Мария забрала у нее тряпку и поглядела на табуретку с недоверием. Табуретка была хлипкая и старая. Муж все собирался починить ее, но за беседами с пришельцем да за неожиданной болезнью не успел.

Мария встала на табуретку коленом, чтобы легче забраться, и Аида поддержала ее, улыбаясь одними губами.

– Ну вот, – сказала Мария, распрямляясь. – А ты говоришь.

Аида отошла на несколько шагов и ответила:

– Ой, раздавишь ты табуретку, Мария, ей-богу, раздавишь.

– Не каркай, – ответила Мария, вытянула вперед руку с тряпкой, чтобы вытереть пыль с верхней полки, но тут пошатнулась, потеряла равновесие, уцепилась за край полки, хоть знала, успела подумать, что хвататься за полку было никак нельзя.

– Ай! – закричала Аида, отпрыгивая в сторону от покотившейся табуретки. И на помощь не пришла – а это понятно было, как ей удержать женщину, вдвое превосходящую ее размером?

Прошло самое страшное мгновение, и Мария раскрыла сожмуренные глаза. Удивление ее было велико, потому что она обнаружила, что висит на кончиках пальцев, а пол был довольно далеко внизу. Это же вредно, думала Мария, так можно и руки оторвать. И потому она отпустила пальцы и сжалась вся, чтобы падение было не очень болезненным.

Опять она зажмурилась, опять раскрыла глаза, и теперь положение ее потеряло всякий смысл, всякую разумность. На пол она так и не упала, а мягко реяла в воздухе над самым полом, поджав ноги.

– Изыди! – крикнула на нее Аида из-за двери. – Изыди, нечистая сила!

Аида крестилась, плевалась, а Мария тем временем распрямила ноги, чтобы встать, но, встретившись с полом, ноги оттолкнули ее наверх и отбросили к потолку, к которому ее, легонько ударив, прижало, будто приклеило.

Было тихо. Лишь дышала в сенях Аида и за окном чирикали воробьи.

– Аида! – позвала Мария. – Аидушка, добрая душа. Что же это со мной творится?

– Чур меня, – отозвалась Аида. – За милицией сейчас побегу.

– Не надо за милицией, – сказала Мария, чуть не плача, – позору с милицией не оберешься. Ты к доктору сходи. Это ведь порошки виноваты, не иначе.

Аида заглянула в дверь, и ее лицо, перекошенное страхом и тем ракурсом, под которым его рассматривала Мария, было страшным и жалким.

– Порошки, говоришь? – спросила она. – Порошки?

– Порошки. Больше я, кроме чая, ничего сегодня не ела.

– А я предупреждала, – сказала Аида. – Я тебе говорила, что добра от этих порошков не будет. Не иначе, как сам сатана его образ принял и Егора Акимовича на тот свет отправил, а тебе большое наказание определил.

– Помолчала бы, – ответила Мария, которая уже пришла в себя. – Не при царской власти живешь. Сильное средство оказалось. Все давление с меня сняло, вот я в воздух и поднялась. Надо было мне, старой дуре, вдвое меньше того порошка употребить. Беги за доктором.

Аида невнятно всхлипнула и убежала, лишь слышно было, как хлопнула дверь, а потом ее худая нескладная фигура мелькнула за окном.

Мария чувствовала себя хорошо. Отлично чувствовала. Только неудобно было под потолком висеть. Мария попробовала оттолкнуться от потолка, полетала немного по кухне, измазалась вся в известке и после третьей попытки уцепилась за край плиты и приняла стоячее положение.

За те десять минут, пока Аиды не было, Мария научилась медленно передвигаться по кухне и подумала даже, что зря растерялась, отпустила квартирантку, потому что средство скоро перестанет действовать, и тогда уж никакой врач не будет нужен. Только бы дотерпеть.

За дверью были голоса. Мария чуть отряхнулась от известки. Мужской голос, не медицинский, другой, спросил:

– Можно к вам, Мария Павловна?

– Заходите, – сказала Мария и подумала, что Аида все-таки побежала в милицию.

На кухню вошел молодой человек в длинном пальто и новой черной фетровой шляпе. Человек был не из милиции, а звали его отец Иоанн, и Мария его видала раза два на улице. Он был назначен в местную церковь недавно, по окончании духовной академии, и Аида часто отзывалась о нем с теплотой, как о человеке вежливом и бескорыстном.

– День добрый, – сказала ему Мария, кидая сердитые взгляды на Аиду. – А где врач?

– Врач потом, – быстро ответил священнослужитель. – Врач вам, очевидно, не понадобится. Разве вы больны чем-нибудь?

– Нет, здорова.

– Зачем же врача вызывали?

– А ваше какое дело?

– Мое дело помогать людям, – ответил отец Иоанн. – Но помогать им в болезнях духа, а не тела. И когда соседка и сожительница ваша прибежала ко мне, я счел своим долгом поспешить к вам.

– Не сожительница она мне, а квартирантка, – ответила Мария со смыслом. – Может даже, бывшая квартирантка. Что же она вам наплела?

– Я и сам, сознаюсь, не поверил, а теперь верю и того менее, – ответил батюшка, снял шляпу и обнаружил прямые приглаженные светлые волосы, расчесанные на косой пробор и собранные сзади в косичку.

– Так что же она вам сказала? – наслаждалась торжеством Мария, крепко держась за угол плиты, чтобы не улететь невзначай.

– А то сказала, что ты летаешь под потолком, – ответила с обидой Аида. – Что сатана тебя обуял.

– И вы видите, что врет она? – вежливо спросила батюшку Мария.

– Вижу, – укоризненно посмотрел на Аиду батюшка. – Вы простите меня, я хотел как лучше.

– Идите, идите, – ответила Мария. – Я вас не звала. Я доктора звала.

– До свидания, – сказал вежливо батюшка и протянул руку. Он был городской, московский, из интеллигентной семьи, и в нем еще оставалось много светских замашек.

Мария, не подумав, протянула батюшке руку и лишилась связи с землей.

В мгновение ока кухня перевернулась у нее перед глазами. Чуть коснувшись пальцами священника, Мария взмыла к потолку и больно ударилась об него затылком.

– А я что говорила! – крикнула снизу Аида. – Я и говорила, что она притворяется.

– Врача! – слабым голосом сказала Мария. – Неотложку мне вызовите.

– Это невероятно, – сказал тихо отец Иоанн. – Вы побороли силы гравитации.

– Лекарство это, – сказала Мария. – Слишком много лекарства от давления я съела. Скоро пройдет.

– Да. – сказал отец Иоанн. – Жалко будет, если пройдет. А как вы себя чувствуете?

– Сейчас спущусь, – сказала Мария. – Вы только отойдите в сторонку, чтобы не зашибить вас.

– Я вам руку дам, – сказал отец Иоанн.

– Сама. Неотложку надо вызвать.

И Мария оттолкнулась от потолка и вновь приняла позицию у плиты.

– К врачам вам обращаться опасно, – сказал Иоанн. – Представьте, что вашими способностями заинтересуется медицина. Или, что еще хуже, радиационная физика.

– Радиационная? – спросила Мария.

– Как минимум, – ответил батюшка. – Вас начнут исследовать, брать кровь на анализ, делать уколы и даже пункции. Не говоря уже о желудочном соке. И никакого морального и материального вознаграждения.

Мария цепко держалась за плиту и пыталась понять, к чему клонит поп, чего ему надо, зачем пугает медициной и радиацией, понимала, что верить ему до конца не стоит, но прислушаться надо, так как у батюшки хоть и духовное, но все-таки высшее образование. Кроме того, слова Иоанна, хоть и не всегда понятные, были внушительны и таили некий смысл.

– Когда они убедятся, что наука полностью бессильна, то отпустят вас обратно ни с чем. А может, и не отпустят.

– Почему это не отпустят?

– Да потому, что это ясно как дважды два, – ответил решительно отец Иоанн.

– Конечно, ясно, – пришла на помощь Аида. – Если ты сможешь, то и другие смогут, а там все будут летать куда хотят без билетов и пропусков.

– Частично правильно, – сказал отец Иоанн. – Вы будете тогда представлять большой интерес для иностранной разведки, которая захочет использовать вас для разведывательных полетов.

Тут Марии явственно представились иностранные шпионы, наводняющие тихий городок, шурующие по углам, подстерегающие ее в погребке, на берегу, в колодце, все в серых шляпах и черных очках.

– Вас могут украсть, – закончил Иоанн и в ужасе закрыл глаза.

– Господи, – сказала Мария. И не нашла больше слов. – Я... – повторяла она. – Я...

– С нами крестная сила, – вторила ей Аида.

– Но! – крикнул вдруг Иоанн, прервав стенания. – Но! То, что произошло с вами, не имеет отношения к науке!

Была гробовая тишина. От гласа Иоанна пресеклось дыхание Марии, замерла в ужасе Аида.

– Это чудо, явленное Творцом, чтобы вернуть на путь истинный и вас персонально, и других отступивших от веры граждан!

– Ну уж, – сказала тихо Мария. – Давление у меня.

– Погодите, – прервал ее вошедший в сладостный экстаз Иоанн. – Слушайте меня! Я изложу свою гипотезу по пунктам. Пункт первый: вы – хороший, добрый, но заблудший в неведении человек, так?

Взметнувшийся перст Иоанна уперся в грудь Марии, та отшатнулась и чуть было не взлетела к потолку вместе с табуреткой.

– Так? – требовал Иоанн.

– Так! Так! – закричала от двери сообразившая, что к чему, Аида. – Она хороший человек. Только темная.

– Я и говорю. – Иоанн вскочил с табуретки, задрал рясу, сунул руки в карманы брюк, ибо это помогало ему собраться с мыслями. – Разве Мария не идеальный объект для того, чтобы через посредство ее явить благую волю? Сам отвечаю – идеальный!

Далее Иоанн говорил отчетливо, медленно, ставя точки после каждого слова:

– И. Потому. Господь. Дал. Тебе. Грешнице. Способность. Летать. Явил. – Далее скороговоркой: – Весь мир содрогнется, узнав о тебе, все газеты мира, все люди мира.

Иоанн поперхнулся, и, пока откашливался тонким, негрозным голосом, Мария пришла несколько в себя и спросила осторожно:

– А вот пенсия?

Мария еще не приняла никакого решения и внутренне не отказывалась от свидания с врачом, но подумала, что если ее новая способность может заключать в себе выгоды, то нужно узнать, что за это предлагает церковь.

– Пенсия! – В голосе Иоанна звучал сарказм. – Истинно верующие люди не оставят вас! Деньги... да я сейчас же посылаю в Москву телеграмму. Через два часа прилетит самолет с деньгами, которых вам хватит и на новый дом, и на новый сад. Аида, останетесь здесь. Следите за входом! Никого не впускать! Отвечаете головой и бессмертной душой. Ясно?

– Ясно, – ответила Аида голосом старослужащего капрала, затворила за Иоанном дверь, уселась напротив Марии, не спуская с нее глаз.

Уже полчаса как Мария была невесомой. Она несколько привыкла к новому своему положению, научилась держаться за предметы, и если неожиданное появление Иоанна смутило ее, речи его привели в растерянность, то уже через пять минут после его ухода Мария обрела способность трезво размышлять, и чем больше она размышляла, тем больше крепло в ней желание посоветоваться с представителями науки, по крайней мере с лечащим врачом Раисой Семеновной. Правда, деньги бы не помешали – зять собрался строить кооперативную квартиру, и дочь уже не раз спрашивала в письмах, не сможет ли Мария помочь чем-нибудь, да и не грех было бы объехать перед смертью родственников, а ехать без подарков, на иждивение, не хотелось. Но надо подумать о том, что и зятя, и дети занимают положение, и не весьма удобно им будет узнать, что их мать и теща возносится в небеса.

Аида сидела по стойке «смирно», глядела строгим глазом, и было Марии очень неприятно. Мария отвернулась от нее, посмотрела в окно, на свежую весну. Да, если в ее новой способности есть смысл, то не на одном отце Иоанне свет клином сошелся.

Надо было действовать, причем пока не вернулся голубоглазый попик. Но сначала надо было обмануть Аиду и незаметно взять остатки порошка. Если он попадет к Аиде и батюшке в руки, то они и без нее отлично обойдутся, сами примутся летать по воздуху, и тогда, даже в крайнем случае, Мария от них ничего не получит и не услышит.

– Я пойду к себе полежу, – сказала Мария. – Что-то голову ломит.

– Да что ты, – вскинулась Аида. – Ты не беспокойся. Я тебе помогу, я тебя сама на кроватку уложу, одеяльцем прикрою. Ты отдыхай.

Аида помогла Марии перебраться в комнату, но дальше дверей Мария квартирантку не пустила – послала обратно на кухню за водой, а сама кинулась к столу, пузырек сунула за пазуху и перелетела к кровати так, чтобы не промахнуться мимо стального шара на спинке.

Аида обнаружила хозяйку смиренной, лежащей поверх одеяла: рукой вцепилась в металлическую сетку, глаза закрыты, и на губах неземная улыбка. Именно эта улыбка более всего смутила охранницу. Некоторая работа мысли привела ее к выводу, что Бог несправедлив, так как предложил средство от давления не ей, верной и обиженной людьми Аиде, а Марии, которая никогда благочестием не отличалась и от Бога была далека. Правда, Аида в присутствии отца Иоанна вынуждена была признать, что Мария – хороший человек, но на самом деле у нее были большие в этом сомнения.

– Где баночка-то? – спросила Аида, не скрывая недовольствия.

– Баночка пропала, – ответила готовая к вопросу Мария. – Баночку твой Господь дал и потом взял.

– Спрятала?

– Ну как ты со мной говоришь, Аида? – елеинным голосом ответила ей Мария. – Узнает батюшка Иоанн, что он тебе скажет на такие сомнения?

– Спрятала, – убежденно сказала Аида. – Спрятала, чтобы мне не досталось. А может, мне это вознесение куда больше твоего нужно.

– Не мели чепухи, – сказала Мария. – Я на двор пойду.

– И не думай. И не помышляй. Лежи и жди батюшку.

– А ты меня не гневи, – сказала Мария, чуть взлетая над одеялом.

– Баночку дашь, выпущу на двор, – сказала Аида.

– Нету никакой баночки. И не было. Видно, твой дьявол тебя попутал.

– Врешь!

Как и большинство религиозных людей, Аида отличалась трезвым, не замутненным мистическими видениями разумом. Вера ее концентрировалась вокруг очевидных, вещественных, осязаемых предметов – пышнотелого храма с высокопарной колокольной при нем, позолоченного иконостаса, уютного свечного запаха, голубых глаз и неухоженности отца Иоанна. Зрелище летающей хозяйки в первый момент испугало, но потом ее ум отверг вмешательство потусторонних сил и вернулся к версии с лекарством от давления.

– Отдай порошок, – упорствовала Аида, все более входя в гнев. И в ослеплении не заметила, как Мария оттолкнулась от кровати и, подобно пушечному ядру, пролетела со свистом мимо, загрохотала, охнула громко в сенях и звякнула французским замком.

– Стой! – бросилась за ней Аида. – Батюшка не велел. – Аида успела ухватиться за край юбки, но Мария лягнула ее, оставила в кулаке противницы клоч материи и свободно взлетела в свежий, прохладный весенний воздух.

Лягая Аиду, Мария получила дополнительный толчок, который вознес ее выше берез и крыш, и там она медленно воспарила, – во все стороны разлетались вороны и прочие птицы, которые каркали и верещали от страха. Аида уменьшилась, крики ее заглохли в птичьей гаме, она махала ручками, мечась по двору, как флагом размахивая клоком юбки.

В небе было холодно, ветрено и боязно. Летательная сила могла окончиться в любой момент, и не успеешь достать из-за пазухи пузырек и подкрепиться. Тогда, зависнув в воздухе, Мария решила употребить еще порошка, для страховки.

Доставать пузырек было несподручно, руки плохо слушались – нигде не было никакой опоры, страх сковывал и путал движения. И нет ничего удивительного в том, что Мария лишь успела раскрыть склянку, как та выпала у нее из руки и полетела к земле, рассыпая веером белый порошок. И скрылась в колодце одного из окраинных домиков.

Мария попыталась было спикировать вслед за пузырьком, но ничего из этого не вышло.

Коченели ноги. Где-то внизу бежала, спотыкаясь и вскрикивая, Аида, люди задирали головы, удивляясь и переговариваясь. Некоторые показывали пальцами вверх, но высота уже была значительной, и Марию можно было принять за крупную птицу.

«К поликлинике, – подумала Мария. – Скорее». Но прошло еще некоторое время, прежде чем ей удалось найти нужный воздушный поток и приноровиться летать, пользуясь руками и юбкой вместо крыльев. Потом дело пошло на лад, и через десять минут Мария уже реяла над красной железной крышей поликлиники.

С громадным трудом она спустилась до сосны, росшей у входа, а там отломала от вершины сук, с помощью которого совершила плавное приземление.

Не было даже времени привести себя в порядок. В любую минуту могли появиться преследователи. Мария обменяла сук на половинку кирпича, валявшуюся под деревом, и проследовала к двери.

Посетители, сидевшие в очереди к терапевту, с удивлением разглядывали странную женщину с кирпичом в руке, растрепанного и взволнованного вида, которая объявила им:

– Я без очереди.

– Как же так, – сказал кто-то несмело. – Ведь мы тут уже час ждем.

Раиса Семеновна отпускала пациента, выписывала ему лекарства и, не оборачиваясь к двери, сказала:

– Я вас не вызывала. Подождите.

– Не могу ждать, – ответила Мария. – Ни минуты не могу ждать.

Пациент первым увидел Марию, испугался, подобрал рецепт и подался к двери. Мария пошла к Раисе Семеновне, стараясь наступать тверже. Села на стул.

– Что с вами? – спросила с волнением врачиха. – У вас странный вид.

– Еще бы, – согласилась Мария.

– Вы себя плохо чувствуете?

– Лучше некуда.

– Так чего же вы ко мне пришли? Я же не назначала.

– А я не пришла, – сказала Мария. – Я прилетела. По воздуху.

– Конечно, – согласилась Раиса Семеновна. – По воздуху. Вы кирпичик бы положили.

– Да не могу же! – воскликнула Свирина. – Не могу я его положить, потому что вознесусь тогда немедленно.

Тут уж Раиса Семеновна не выдержала. А не выдержав, она сказала как можно тише:

– Посидите здесь, спокойно посидите, ничего не делайте. Я сейчас.

– Нет, – отрезала Мария. – Никуда ты, голубушка, не уйдешь, пока с моей болезнью не разберешься. Я тебе покажу.

И, сунув кирпич в руку врачихе, Мария привычно вознеслась к потолку, но так, чтобы заново не измазаться известкой.

– Ну, что скажешь, доктор? – спросила она у Раисы Семеновны сверху. – Как вам это нравится?

– Ой, не нравится, – созналась врачиха.

За тридцать четыре года своей врачебной деятельности Раиса Семеновна не видела летающих людей, кроме как во сне. Она даже сняла толстые очки, превращавшие ее, в сущности, обыкновенные карие глаза в громадные темные озера. Но пациентка, хоть и потеряла точность очертаний, с потолка не спустилась.

Дело было плохо, никуда не годилось. Однако Раиса Семеновна несколько успокоилась. Она более всего опасалась душевного расстройства, буйства и резких выражений. Теперь же появление Свириной с кирпичом в руке получило разумное объяснение. А раз такое объяснение есть, то надо принимать разумные меры.

– Садитесь, – сказала Раиса Семеновна. – И рассказывайте, как все это произошло.

С улицы к окну прижались два лица. Лица передвигались, вглядывались, искали чего-то в глубине кабинета. Одно из лиц принадлежало длинноносой женщине средних лет, другое – молодому человеку в черной шляпе.

– Не спущусь, – сказала Мария, – меня преследуют.

Она проплыла под потолком в дальний угол комнаты, так, чтобы ее с улицы не было видно. Но люди за окном ее заметили и начали производить движения руками, елозить ладонками по стеклу, вызывая Марию к себе.

– Гоните их, – сказала Мария.

Раиса Семеновна послушалась и сделала суровое лицо, приказывая зрителям удалиться. Те не удалились. Тогда Раиса Семеновна догадалась сделать решительное движение к телефону, стоявшему на столике, и фигуры исчезли.

– Теперь слезайте, – сказала Раиса Семеновна.

В этот момент дверь в кабинет открылась, и старушка медсестра заглянула внутрь.

– Доктор, – сказала она. – Вы сегодня еще два вызова можете взять? У Спиридоновой грипп.

Старушка подняла взор кверху, заметила летающую женщину и ахнула.

Остановить ее никто не успел. Старушка выскочила в коридор, запричитала, побежала к регистратуре, расталкивая пациентов. А навстречу ей, еле разминувшись в дверях, спешили Аида с отцом Иоанном.

– Что там случилось? – спрашивали больные.

– Упал кто-то?

– Шкаф упал.

– Нет, там психичка на врача напала!

А по коридору, со стороны регистратуры, где лежала в обмороке медсестра, катился слух о летающей женщине. И люди, не веря этому странному слуху, стекались к входу в кабинет Раисы Семеновны, создавая там страшную давку и беспокойство.

– Мария! – сказал отец Иоанн. – Срочно следуйте за мной. Финансовые проблемы решены! Деньги летят телеграфом!

Слова Иоанна заключали в себе ложь. Телефонный разговор с Центром разочаровал священника, ибо в Центре никто не поверил в чудо – мало кто из священнослужителей способен поверить в чудо в век космических достижений. Денег не обещали. Обещали прислать комиссию. Предполагаемый приезд комиссии усугублял ситуацию. Если окажется, что чуда не было, карьера Иоанна завершена. Следовательно, Мария стала важным вещественным доказательством и ее надо было продемонстрировать народу. Победителей не судят.

– Граждане, покиньте кабинет, – сказала Раиса Семеновна. – У меня прием больных.

– Не больная она, симулирует, – резко возразила Аида. – Я за ней гонялась, чуть в небеса не улетела, только вот что осталось.

Аида показала клочок юбки.

– Разве вы не видите, что налицо чудо? – спросил Иоанн у Раисы Семеновны. – Разве вы как врач можете утверждать, что люди летают?

– Надо разобраться, – сказала Раиса Семеновна. – Тропическое животное окапи было открыто учеными лишь в начале этого века. И если бы до этого кто-то сказал, что оно существует, биологи подняли бы такого человека на смех.

– А снежный человек? – спросил Иоанн. – Он существует?

– Возможно.

– А космические пришельцы?

– Науке это пока неизвестно. Пока.

– Существуют, – подала с потолка голос Мария. – Из-за них я и страдаю. От такого мой покойник муж и получил это средство. Аида подтвердить может.

– Ничего не знаю, – ответила Аида.

– Не волнуйтесь, – сказал Аиде Иоанн. – Если даже и существуют космические пришельцы, то только в виде посланца неба, ибо оно всемогуще и может придать посланцу любой облик.

– Если так, – продолжила дискуссию Раиса Семеновна, – то и дьявол ваш также может любой образ принять. И смутить вашу бессмертную душу.

– Да какой он дьявол, – обиделась Мария. – Тихий был, спокойный, думал о принесении добра людям, но не мог по соображениям секрета.

– Это уж позвольте мне разбираться, кто дьявол, а кто добрый посланец, – сказал отец Иоанн, – это моя специальность. Всему, что произошло, есть рациональное, но не научное объяснение. Эта добрая женщина за долгую и благочестивую жизнь была удостоена чести стать избранницей Божьей. Господь дозволил ей вознестись. Лишил ее веса.

– Послушайте, молодой человек, – возмутилась Раиса Семеновна. – Вы же учились в школе, ходили в кино и так далее. Как же можно лишить человека веса?

– Тут вы меня не понимаете. Именно невозможность сделать это и указывает на промысел Божий. Провидение может управлять силами гравитации. В нарушение закона Ньютона.

Отец Иоанн раскраснелся. Вспомнилось давно забытое – уроки физики, дававшиеся с трудом, переэкзаменовка в седьмом классе и тогдашнее неисполненное желание – уйти в пожарные.

– Удивительно, как это ваш Бог нашел именно Свирину. А не, например, вас же. Или кого-нибудь из ваших прихожан.

– Захотел и явил, – ответил Иоанн, чувствуя, что берет верх в споре. – Избрал как честно заблуждающуюся, но близкую к вере.

– Она верующая, верующая, – подсказала Аида. – Только в церковь не ходит.

За окном нарастал неясный, зловещий шум.

– Пора идти! – сказал отец Иоанн. – Народ ждет. Народ предупрежден и верит. Мария, нас ждут!

Отец Иоанн взял Марию за руку и повлек ее к выходу. Сделать это ему было нетрудно, потому что Мария не могла сопротивляться за отсутствием веса. Раиса Семеновна двигалась сзади, надеясь на то, что разум восторжествует.

На улице перед больницей уже стояла толпа. В первых рядах ее преобладали бабушки в черном, далее стояли их родственники и соседи, еще далее – любопытные, и все вместе являли собой внушительное зрелище народа, пришедшего увидеть чудо.

– Ведут, – раздались голоса, – ведут. Блаженную ведут.

Иоанн подтолкнул Марию вперед, крепко держа ее за руку.

Аида оттирала спиной медицинских работников, и те являли собой чуду белый торжественный фон и оттого чувствовали себя неловко.

– Граждане верующие! – провозгласил Иоанн. – Марию Свирину, праведницу, господь наградил чудесным даром. Он явился к ней и сказал: лети! И полетела она! Вознеслась!

– Ты покажи! – крикнули из задних рядов. – Чего агитацию разводить.

– Тут есть сомневающиеся! – продолжал отец Иоанн. – Всегда в добром деле есть сомневающиеся. Но будут посрамлены они! Только истинным сынам и дочерям Божиим даются преимущества и блага. Разве не понятно?

– Так, значит, если я в Бога не верю, то мне уж не летать?

– Покупайте билет и летите за деньги «Аэрофлотом», – отрезал отец Иоанн. – Повторяю – лишь верующие полетят!

Отец Иоанн обратился к Марии, отпустил хватку и сказал ей:

– Лети!

Он подтолкнул ее, и от этого толчка Мария взлетела в воздух.

Народ ахнул. Даже скептики.

– Пади! – кричал Иоанн. – На колени! Немедленно!

Некоторые падали на колени, другие глядели на летающую Марию. А та с высоты, поддерживая юбку, чтобы сохранить приличие, разглядывала сборище, очень пугалась и горевала. Взор ее обратился к родному дому, так отдаленному ныне печальными событиями. Ей показалось, что она видит его крышу. И уж совсем явственно Мария разглядела тот колодец, в который упал пузырек.

У колодца, на земле, стояло пустое ведро и рядом с ним кружка. Последний из участников межрайонного слета туристов, что протекал в палатках неподалеку, отходил от ведра.

А те из туристов, что напились ранее, уже поднимались в воздух. И загорелые, насмешливые, распевующие туристские громкие песни и машущие гитарами, они летели на сближение с запуганной и усталой Марией Свириной, на пути перестраиваясь в стройную колонну.

Вскоре они достигли центра города и разглядели медленно плывущую Марию Свирину. Словно эсминцы дредноут, они окружили ее, крича: «Бабушка, нас с тобой зовут солнечные просторы!» – и всей стаей снизились над охваченной сомнением толпой.

А внизу восторжествовавшая Раиса Семеновна спрашивала отца Иоанна:

– Где теперь избранная Господом? Различите ли ее среди этих веселых молодых людей? Разве не ясно, что все это никакое не чудо, а обыкновенная загадка природы?

Понурившись, сопровождаемый насмешками и верной Аидой, отец Иоанн последовал к своему дому. Черные старушки шли в отдалении и ворчали. Карьера Иоанна была загублена.

Действие препарата кончилось через два дня. Мария и туристы обрели прежний вес. Но за эти два дня они все вместе успели долететь до Вологды, спускаясь на ночь в поля и разбивая оранжевые палатки среди прошлогодних стогов на свежей молодой траве.

Ответное чувство

Мише Стендалю было стыдно таиться под окнами Алены Вишняк, но он ничего не мог с собой поделаться. Уже взошла луна и беззвучно кралась над Великим Гусярмом, ныряя в полупрозрачные облака, отбрасывая их назад, словно шлейф, и представляя перед миром в серебряной наготе. Перекликались собаки. Рядом, по другую сторону забора, мерно дышала Антарктида, злобная сука, принадлежащая Алениной тетке. Антарктида не лаяла. Она пыталась просунуть морду в штакетник и откусить Мише руку.

Окно отбрасывало на кусты тревожный оранжевый свет. Причиной тому был абажур, висевший низко над столом. Тетка сидела спиной к окну и пила чай. Алена читала. Когда она переворачивала страницу, то поправляла упавшую на лоб прядь волос, и Миша любовался движением руки и цветом пряжи. Один раз Алена задумчиво обернулась к окну, и Мише показалось, что глаза их встретились. Он сразу ослаб и ухватился за забор. Но успел отдернуть руку – Антарктида лишь щелкнула зубами.

Тетка зашевелила головой. Видно, сказала что-то Алене. Алена провела ладонью по книге, чтобы не закрылась, поднялась и пошла к двери. Миша отступил на шаг. Хлопнула дверь, Алена вышла на крыльцо и звякнула ручкой ведра. Антарктида взвыла и в три прыжка очутилась у крыльца. В собачьем подвывании Миша различил сплетню и жалобу. Но Алена не поняла. Она сказала:

– Пойдешь со мной до колонки?

Глядя на силуэт Алены, Миша связывал себя с ней крепкими нитями горячего чувства. Он понял даже, что в настроении его наступил настолько критический момент, что он готов подойти и объясниться. Мешала злая собака, от которой трудно избавиться.

И пока Миша размышлял таким образом, Алена подошла к калитке, отодвинула щеколду, и тень ее обозначилась в прямоугольнике оранжевого света. Антарктида, не дожидаясь, пока калитка растворится, выскочила на улицу, в прыжок достигла Стендаля и, схватив за рукав, подтащила к Алене. Собака урчала сквозь тесно сдвинутые зубы. Миша сопротивлялся. Алена сказала, рассмотрев, кого привела Антарктида:

– Это вы, Миша? Я чуть было не испугалась. Что вы делаете здесь в такое позднее время?

Миша счел неудобным открыто бороться с собакой. Он ответил, подергивая рукой так, чтобы не разорвать пиджак:

– Я проходил мимо.

Собака заурчала громче, обличая Мишу во лжи.

– Куда же вы ходили? – спросила Алена.

– Тут, в соседний дом. Я просто гулял.

– Отпусти его, Анка, – сказала Алена собаке. – Он просто гулял.

Алена пошла к колонке. Собака не отпускала Мишу, а повела за хозяйкой. Тогда Миша решил продолжить разговор.

– Я хотел вас увидеть, – признался он. – Я остановился под вашими окнами.

– Вы же ведете себя неприлично, – заявила Алена. – Вы и вчера днем меня смущали своими взглядами.

– Извините. Я не нарочно. Я не мог глаз отвести.

– Я не давала вам никакого повода, – сказала Алена. Она повесила ведро на крюк колонки и принялась качать воду.

– Разрешите, я помогу вам, – предложил Миша, забыв про собаку.

– Как хотите.

Алена выпрямилась, уступая Мише место. Миша качал воду, а собака мешала ему, повисая на руке, так что приходилось качать и воду, и собаку. Алена смотрела на луну.

– Вы хотели бы попасть туда? – спросила она.
– Скажите, пожалуйста, собаке, чтобы она меня отпустила.
– Ой, как смешно, – сказала Алена. – Анка, сколько раз тебе надо повторять одно и то же? Видите, она меня не слушается. Придется мне закончить за вас.
– Ведро уже давно полное. Я качаю, чтобы вы не уходили домой.
– Чудак, – сказала Алена. – Спокойной ночи. И пожалуйста, ко мне не приставайте. Если тетя узнает, она добьется, чтобы вас сняли с работы.

– Пустяки. Я думаю не об этом.

Они шли обратно к калитке. В одной руке Миша нес ведро, на другой висела собака.

– Еще раз спокойной ночи, – сказала Алена. – И запомните, что, хоть Анка и дворняга, у нее мертвая хватка. В следующий раз она может схватить вас за горло.

– Мне грустно без вас, – ответил Стендаль.

Собака отпустила Мишу и юркнула в калитку.

Миша подождал, пока Алена не скрылась в двери, и пошел домой. Он решил, что немедленно пойдет к Глумушке.

Глумушка жила за лесопилкой, на краю старой вырубки, в доме, который когда-то, до революции, принадлежал леснику. С годами лесник вслед за лесом переехал километров на десять от города, и в доме менялись случайные хозяева, пока не бросили его на произвол судьбы. И тогда в нем поселилась Глумушка.

Откуда она пришла, что делала раньше, никто не знал. Жила она в развалюхе второй год, питалась скудно, в церковь, на кладбище не ходила, подбирала бутылки, оставленные в лесочке после субботних пикников, и сдавала их в пункт на базаре.

Вначале на Глумушку никто не обращал внимания. Как-то зашла женщина из собеса узнать о пенсии, но оснований для пенсии у Глумушки не было, и Глумушка сказала, что ежемесячно получает переводы из Вологды, от племянницы, что было неправдой. Глумушка любила бродить по лесу, забиралась далеко, за Конопатовку и даже на Сидоровские болота. Собирала травы и грибы. Однажды вылечила Миловидовым корову, от которой уже отступился ветеринар. Потом был такой случай, что она пришла в контору лесопилки и сказала сторожу, что ночью будет сделана попытка вывезти на грузовике доски. Сторож не поверил, но все-таки немного взволновался, не спал и полуторку с досками задержал. За это он получил благодарность, а про Глумушку рассказал жене, и та как-то, встретив Глумушку на дороге, спросила ее, кто родится у дочери – сын или дочь. Глумушка попросила два дня срока для ответа и сказала, что сын. Сына назвали Юрой, а жена сторожа отнесла Глумушке десяток яиц.

Так росла слава. Слава была неровной и ненадежной, ибо с поклонниками Глумушкиного таланта умножались и враги, завистники и скептики. Особенно усилились противоречия, когда Глумушка, по слухам, склонилась к браку со Столыпиним приезжую женщину, имевшую в Архангельске жениха. Столыпин, шофер с лесопилки, отрицал, что получил от Глумушки приворотное зелье, и чем более он отрицал, тем менее ему верили. А молодая жена была от него без ума.

К Глумушке бегали девчата из универмага, школьники десятого класса, отдельные старухи и домашние хозяйки. Под покровом ночи в окошко к ней стучались мужчины. Глумушка понемногу опутала город Великий Гусяр своим тайным колдовством, но поймать ее с поличным не удавалось никому. Когда к старухе пришли два активиста из атеистического кружка и потребовали, чтобы Глумушка приготовила им за вознаграждение средство избавиться от местного священника, она ответила им так:

– Зря стараетесь. Я не волшебница и тем более не знахарка. Даже стыдно слышать такие предложения от внешне культурных людей. Идите, а то я сообщу о вас по месту работы.

Активистам пришлось уйти.

Миша Стендаль, естественно, относился к рассказам о способностях старухи скептически. Он даже как-то обратился к редактору городской газеты с предложением сделать разоблачительный материал о шарлатанке, но редактор поднял над столом красивую массивную голову и отсоветовал. Объяснял, что социальной опасности старуха не несет, а газета не может опускаться до разбора бабьих сплетен. Влекомый любознательностью, Миша опросил по-дружески знакомых и даже встретился с одной женщиной средних лет, которая уверяла, что Глумушка помирила ее с мужем. Женщина работала библиотекарем в речном техникуме, и ее нельзя было заподозрить в излишних суевериях.

Глумушка забылась. Отошла в глубь сознания. И может быть, Миша Стендаль, литсотрудник газеты, не скоро бы вспомнил снова о ней, если бы в гости к тетке не приехала Алена Вишняк, мастер спорта по теннису, финалистка первенства Союза в женском парном разряде, блондинка с карими глазами, в которую Стендаль быстро и безнадежно влюбился. Стендаль был неспортивным мужчиной и даже не любил ходить на пляж, потому что стеснялся своей белой кожи и мягкого белого живота. Кроме того, он носил очки и был похож на молодого Грибоедова.

Миша сделал несколько попыток приблизиться к Алене Вишняк, даже прочел книгу о теннисе и подписался на журнал «Теннис». Миша взял у Алены интервью, которое в газете не прошло, потому что надвигались прополка и косовица, а также первенство мира по футболу. Миша преследовал Алену на улицах и в общественных местах, плохо ел и путал очевидные факты в своих корреспонденциях. Миша, человек интеллигентный, выпускник Ленинградского университета, лишенный всяких потусторонних мыслей, исписал толстую тетрадь плохими стихами, исхудал, пришел в отчаяние и решил, наконец, пойти к Глумушке, понимая, насколько это стыдно и нелогично. Но в жизни наступает такой момент, когда соображения разума отступают. У Миши они отступили.

В последний раз обернувшись на оранжевое окно, Миша снял очки, протер их платком, нервно оглянулся и пошел к лесопилке, делая вид, что гуляет, и подогревая себя воспоминаниями о лице Алены, озаренном серебряным светом луны. По лицу пробегали тени облаков, глаза казались черными и бездонными, а зубы светились, будто были сделаны из лунного света.

У самой лесопилки кончился асфальт, и далее дорога была неровной, с глубокими, еще весной, в дожди, пробитыми колеями. В них застыла вода, и в каждой луже поблескивала луна. Крайние домики города уже спали и слепо тарачились темными окнами на путника. Фонари были далеко расставлены один от другого, и тень Миши вырастала до немыслимой длины, затем двоилась, переворачивалась и сокращалась по мере того, как он приближался к следующему фонарю. Собаки просыпались за заборами, брехали яростно, провожая Мишу до границ своей территории. Было чуть жутко, и не столько от одиночества, сколько от возможной случайной встречи в это время в этом месте с кем-то из дневных, обычных знакомых.

За последними домами пришлось свернуть с дороги к соснам. Луна все не заходила, тропинка к дому Глумушки была видна отчетливо, и Миша каждый раз успевал перешагнуть через корень, подставленный деревом. Незаметно для себя Миша прибавил шагу и последние метры перед избушкой колдуньи протрусил, словно за тронувшимся поездом. И остановился.

Он стоял на прогалине. Дом Глумушки покосился и осел на один угол. Дранка на крыше, седая от старости, поблескивала под луной. Забор из неровных кольев казался рядом копий, оставленных улегшимися спать дружинниками. Ставни были закрыты, но сквозь них пробивался тусклый свет. Глумушка не спала. Но примет ли она его? А вдруг у нее клиент? Мише представилось даже, что клиентом может оказаться некто из редакции. И тогда последствия будут ужасны. Миша переступил на месте, как переступает прыгун в высоту, прежде чем выверенными шагами, наращивая скорость, броситься к планке. Но он не бросился, а пошел на цыпочках, желая вначале заглянуть в щель ставни, убедиться, что войти можно.

У окна рос густой бурьян, крапива, под ногами оглушительно хрустнула палка, затем Миша провалился по колено в невидимую яму и застыл в неудобной позе. Дверь открылась.

– Заходите, – сказал голос. – Зачем стоять под окном?

Миша выбрался из бурьяна и вступил на крыльцо. Чувствовал он себя препогано. В конце концов, почему он должен шастать ночью у подозрительной избушки? Кто его заставляет? И чувство это было постыдным, потому что задевало чистоту его стремлений к Алене Вишняк.

За приоткрытой дверью никого не было. Лишь низкие пустые сени, слабо освещенные голый лампочкой под потолком.

– Вытирайте ноги, – сказал голос.

Миша послушно потер подошвами о половик.

Больше указаний не последовало, и Миша толкнул дверь в горницу. Дверь растворилась мягко и беззвучно. Оттуда ударил в лицо яркий свет медицинского учреждения. Миша очутился в сравнительно большой комнате с белыми аккуратными стенами и скамейками вдоль них. На скамейках сидели люди, обернувшиеся при виде вновь пришедшего.

– Добрый вечер, – сказал человек с завязанной щекой, в котором Миша узнал Корнелия Удалова, начальника стройконторы. – Какими судьбами? Садитесь рядом, тут место есть. У вас какая очередь?

– Я... У меня никакой. Я, наверно, пойду. Я завтра зайду.

– И не мечтайте, – сказал Удалов. – Завтра не принимают. Я и так три дня стоял по записи.

Удалов раскрыл ладонь, на которой химическим карандашом был изображен крупный номер «двадцать восемь».

– Садитесь, – сказал он. – Если дверь была открыта, то примут. Нас уже мало осталось.

И так как Стендаль был последним и никому из присутствовавших не был конкурентом, то к Удалову присоединились прочие пациенты.

– Садитесь, – неслось со скамеек. – Она быстро принимает.

И Миша сел на край скамейки.

В приемной Миша насчитал шесть человек. Были они различны, и, видно, различны были причины, приведшие их сюда.

У Удалова болел зуб.

– У вас тоже? – спросил Удалов Мишу.

– Нет, – сказал Миша.

– А я три ночи не спал. Пошел в поликлинику, а врачиха говорит – надо удалять. А жена мне тогда сказала: «Корнелий, Глумушка может заговорить. Она Погосяну в нашем дворе заговорила. И нерв даже извлекать не пришлось». Вот я и пришел.

– А что с этим? – спросил Миша тихо.

– Не узнаете? С метеостанции.

– С метеостанции?

– Чего шепчетесь? – сказал человек напротив в низко надвинутой шляпе и плаще с поднятым воротником. – Я попрошу без разглашения.

– Ясное дело, – согласился Удалов. – Мы здесь все без разглашения. Какой дурак сознается? Просто мой знакомый вами заинтересовался. Я и говорю, что вы с метеостанции. Даже фамилию не назвал.

– Ваш знакомый работает в городской газете и, возможно, пришел сюда по заданию, – ответил человек в надвинутой шляпе. – Мы ему доверять не можем.

– Из газеты? – спросил толстяк с козлом на поводке. – Вы лучше тогда уйдите. Нам в фельетон попадать не с руки. И без вас горя много. У меня репутация.

Козел задрал бородатую морду к толстяку, легко приподнял передние ноги, уперся копытом в колени и лизнул толстяка в подбородок.

– Пусть уходит, – поддержала его маленькая женщина в сером платке, пока толстяк отталкивал козла.

– Я не от газеты, – сказал тогда Стендаль. – Даю честное слово. Я по собственной инициативе.

Обитая черной клеенкой дверь в горницу распахнулась, и оттуда вышел бородатый мужчина с рюкзаком за плечами. Он счастливо улыбался, не замечая окружающих.

Человек с метеостанции вскочил, засуетился, подбежал к двери и спросил:

– Можно заходить или вы пригласите?

– Снимите шляпу, – сказал в ответ из горницы старушечий голос. – И заходите. Не могу же я до утра вас принимать.

– Так что же он? – спросил снова Миша Удалова, как только в приемной наступила тишина.

– Прогноз делает, – ответил Удалов. – Он уже жаловался. Десять ошибок за две недели. Климат в настоящее время жутко испортился – никакой надежности, несмотря на метеорологические спутники.

– А она при чем?

– Говорят, может. А то у него никакой надежды. Его крестьянство замучило – косить или подождать? А что он может ответить?

– Странно, – сказал Миша.

– А все-таки, – настаивал Удалов, – у вас-то какое дело? Не задание, надеюсь, чтобы разоблачить?

– У меня личное дело. И сильно зуб болит?

– Сейчас ничего. У меня всегда, как приду в поликлинику, боль унимается.

– Это нервы, – сказал человек с козлом. Козел тянул за поводок, хотел уйти на улицу.

– А зубы вообще нервная болезнь, – поддержала его женщина в сером платке. – Язва тоже.

– А у вас язва? – спросил Миша.

– Нет, – сказала женщина. – У меня дочка замуж собралась. А ему в армию осенью уходить. Какая уж там семья! Так вы не из газеты?

– Вообще-то из газеты, но сейчас не из газеты, – объяснил Миша.

– Если вам нужно приворотное зелье, – сказал человек с козлом, – то советую быть крайне осторожным.

– Нет, что вы.

Миша покраснел.

– Ясно, что не от газеты, – сказал молчавший до того мужчина с выгоревшими бровями и ресницами, в высоких охотничьих сапогах и ватнике. – Влюбился. Смотри, Иван, он влюбился.

Сосед его, пожарный, дремавший, прислонивши каску к бадье с фикусом, проснулся и согласился.

– Спокойный, черт, – сказал мужчина в ватнике про пожарного. – Пятый раз приходит. Привык уже. А я вот нет, не могу.

– Пятый раз? – подивился Удалов. – А что такое, что такое?

– Шланг потерял, – сказал мужчина в ватнике. – Часто теряет всякие предметы пожарного обихода.

– И она находит?

– Обязательно, – ответил мужчина в ватнике. – В прошлый раз три огнетушителя ему отыскала. Хороший она человек. Душевный. А меня браконьеры замучили. Тропу знают. Вот и хочу старуху про тропу спросить. Из рыбоохраны я.

Вышел метеоролог, быстрыми движениями свертывая в рулон синоптическую карту.

– Ну как? – спросил его человек в ватнике.

– С завтрашнего дня без осадков! И до конца недели. Что я им говорил! – Шляпа у метеоролога перекочевала со лба на затылок, лицо его блестело от пота. – Сегейда антициклон у Антильских не учитывал. Я ему говорил – заденет. А он – далеко. А надо было учесть!

Следующей исчезла за дверью женщина в сером платке. И лишь скрылась, как из кабинета донеслось бормотание, быстро повысившееся до отдельных резких возгласов. За дверью ссорились, спорили. Через минуту женщина выскочила наружу, прижимая к груди узелок с дарами Глумушке.

– И не приставайте ко мне с непристойными предложениями! – кричала ей вслед колдунья. – Вы хотите лишить людей счастья? Да? Так вам это не удастся.

– Я мать! – крикнула женщина, уходя. – Я буду жаловаться.

– Следующий, – пригласила Глумушка.

Мише никак не удавалось увидеть ее – дверь раскрывалась в его сторону, и лишь сварливый голос доносился до него.

– Иван, тебе, – сказал человек в ватнике.

– Что потерял? – спросила Глумушка, не закрывая двери.

– Шланг куда-то задевался. Лейтенант говорит: «Ты, Сидоренков, последним шланг в руке держал. Ты, – говорит, – и отыскивай».

– Завтра зайдешь до восьми тридцати, – велела Глумушка. – Следующий.

– Ну, тогда моя очередь, – сказал человек в ватнике.

Пожарный снова задремал у фикуса.

Неожиданность увиденных сцен отвлекла Стендаля от мыслей о возлюбленной. Вместо темной избушки, черного кота на печке, тяжелого и пряного запаха снадобий была приемная с фикусом. И синоптик. И Иван со шлангом. Уходя к колдунье, Стендаль презирал себя и клял Алену, заставившую его опуститься до отчаянных действий. Но именно порочность, неестественность похода к колдунье сливались в его сознании с безответной любовью, у которой не было выхода. А здесь была поликлиника. Неофициальная, но будничная, отличавшаяся от районной только жалобами пациентов. И к ужасу своему, Стендаль вдруг понял, что ему могут здесь помочь, и он уже не знал, хочет ли, чтобы ему помогли.

– И тогда я ей говорю, – донеслись до Стендаля слова толстяка с козлом. – Или она меня полюбит, или я буду вынужден обратиться в суд. Безвыходное положение.

– Да, – сказал Удалов. – Положение безвыходное.

– Я получаю от нее приворотное зелье.

– Наконец-то, – вырвалось у Стендаля.

– Что?

– Я так, про себя.

Стендаль думал: наконец-то нашелся человек, который не терял шланга, не интересуется путями циклонов и не ловит браконьеров. Человек, который полюбил и ждет взаимности.

– Получаю я от нее приворотное зелье – и сразу туда. А она меня уже ждет с угрозами. Тогда встает проблема, как мне ее этим зельем напоить.

Из двери вышел человек в ватнике, задумчиво насвистывая песню. Растолкал пожарного, они ушли, а их место в кабинете занял Удалов. У толстяка не осталось слушателей, кроме Стендаля, и он обратился к Мише с вопросом:

– Продолжать ли мое повествование?

– Да, конечно, – сказал Миша. – У меня такая же проблема.

– Тоже она?

– Тоже. Только я не слышал начала вашей истории. И если вы не возражаете...

– Конечно, я повторю. Тем более если у вас та же беда. Уйди! Уйди в сторонку! Не терплю!

Последние слова относились к козлу, который по-собачьи терся о колени толстяка.

– Значит, есть у меня соседка. Аида. Стерва, каких свет не видывал. Старая дева, сухая, как палка, и тому подобное. Ненавижу ее, а меня довести до ненависти не так легко. Дважды за последний месяц ломала общий забор, помой выплескивает только под моими окнами и еще изводит меня презрением. Змея.

– Так вы о ней? – спросил Стендаль.

– Конечно, о ней, пропади она пропадом. Я понял: еще день таких измывательств, и я или попадаю в сумасшедший дом, или подаю на нее в суд, или даже иду на физические действия. И к тому же этот проклятый козел!

Толстяк указал пальцем на козла, и козел ухитрился изогнуть шею и длинным шершавым языком ласково лизнуть указательный палец.

– Этот козел регулярно, будучи подпускаем в мой огород, съедает все плоды моего досуга. Все. Причем в первую очередь слабые, нежные ростки ценных растений. И тогда я иду к этой Глумушке и получаю от нее приворотное зелье. Возвращаюсь домой и думаю, как бы мне соседку приворотным зельем накормить, заставить относиться к себе по-человечески и кончить этим долгую распрю.

Из двери вышел Корнелий Удалов, сжимая в руке повязку, из которой вываливалась смятая вата.

– Спасибо, доктор, – сказал он колдунье. – Я боялся, что придется рвать. А у меня и так уже три моста.

Вслед за Корнелием Удаловым в приемную вышла маленькая сморщенная старушка в сером домотканом платье и шлепанцах. Старушка держалась прямо, и острые глаза ее блестели ярко и целенаправленно. Седые волосы были убраны под голубой платочек.

– Двое осталось?

– Двое, – ответил Миша, холодея от ближайшего будущего.

– Тогда оба и заходите. Проблема у вас схожая, – сказала Глумушка.

– Я тебя здесь, Миша, подожду, – сказал Удалов вслед. – Мне не к спеху, а то идти одному скучно.

Первым в горницу вошел козел, за ним толстяк. Потом Миша.

– Садитесь, – сказала старушка. – Уморила я за сегодняшний день. Скоро доберется до меня фининспектор. Вот до чего доброта доводит.

Колдунья села за старый канцелярский стол, измазанный чернилами, с нацарапанными на крышке различными словами и узорами. Толстяк занял место напротив, усевшись на стул. Миша пока примостился у печки.

Горница была чисто выметена и почти пуста. Лишь потертый половик пересекал ее наискось, да окно загораживали два горшка с геранью. У окна стоял шкафчик с застекленными дверцами. В шкафчике были банки, бутылки с наклеенными бумажными этикетками. На печке сушились травы.

– Вы у меня, друг милый, уже были на днях, – сказала Глумушка. – Чего, не так вышло?

– Не так, – сознался толстяк.

– Рассказывайте, – приказала Глумушка. – Только короче.

– Я домой пришел. А она меня уже поджидает. С криками, будто я ее нижнее белье с веревки украл. Я думаю: ну как мне выдержать такое нервное напряжение, как мне ей в пищу подсунуть приворотное зелье? И не вижу пути. А она неистовствует. Я до вечера промытарился.

– Короче, – сказала Глумушка.

Козел топнул ногой. Ему не понравился тон колдуни.

– Я короче. Я, как стемнело, к ее окну подкрался и тогда ей в чайник для заварки зелье выплеснул. Чайник на подоконнике стоял. А потом вижу, она собралась чай пить, открыла крышку, понюхала и говорит вслух: «Чай-то старый, спитой, надо новый заварить». Ну вот,

она все зелье в ведро с помоями выплеснула, а ведро на улицу выставила. Прежде чем я принять меры успел, будучи в полном отчаянии, ее вредный и ненавидящий меня козел к этому ведру подошел и помоев похлебал. А утром уже у моей двери меня поджидал, чтобы любовь выказать. Вот с тех пор и ходит за мной как привязанный. Я уж от него скрыться пытался, на автобусе ездил, запирался в доме, а он через окно лезет, а Аида кричит на всю улицу, а я... Господи, ну что я за несчастный человек!

– Любопытно, – удивилась старушка. – Говорите, козел вас полюбил?

– А разве не видно?

– У него метаболизм другой, – сказала колдунья. – И не знаю уж, чем вам помочь. А вы, молодой человек, перестаньте хихикать. Ничего смешного нет. Человеку не повезло.

– Я не хихикаю, – ответил Миша, не в силах согнать с лица идиотскую улыбку. – Это нервное.

– Нет, я понимаю, я смешон, – произнес толстяк со слезами в голосе. – Мне нужна была любовь этой женщины не ради корысти, а ради покоя и сохранности слабых ростков на моем огороде.

– Росткам теперь ничего не угрожает. Козел вас не обидит.

– Ах, еще этот козел! – В горле толстяка забубльало, и он положил голову на канцелярский стол.

«Действует, – думал Миша. – Действует приворотное зелье! И я завтра его испробую». Было страшно и весело. И снова виделось лицо Алены таким, как было под лунным светом. Но губы ее шептали нечто ласковое, и пока Стендаль пытался разобраться в видении, мимо протопал толстяк с припрыгивающим восторженно козлом, и Глумушка обратилась к Мише с вопросом:

– Вы в кого влюбились, молодой человек?

– В девушку, – сказал Миша. – В Алену. Она к нам приехала, у тетки своей живет. Вы извините, пожалуйста, за беспокойство.

– Ничего, ничего, это мой долг, – ответила Глумушка. – Вы что кончали?

– Ленинградский университет. Филологический факультет. А тут в газете работаю литсотрудником, имею благодарность.

– Очень приятно. А не стыдно вам, молодой человек, ходить за снадобьем к отсталой старухе? Вы пересядьте сюда, за стол, а то через всю горницу разговаривать приходится.

Миша пересел и от близости старушечьих пронзительных глаз чувствовал себя неловко, словно на экзамене или в отделе кадров.

– Вы похожи на молодого Грибоедова, – сказала задумчиво старушка.

– Мне говорили, – согласился Стендаль.

– Страсть вас схватила неожиданно или была подготовлена какими-то событиями?

– Пожалуй, неожиданно, – сказал Стендаль. – Я ее увидел – и всё.

– Я хочу предупредить вас. Ответное чувство, вызванное искусственными средствами, может со временем изгладиться, что приведет к трагическим результатам.

– Я понимаю. Но не могу более выдерживать презрения и невнимания. Вы, наверное, никогда сами не влюблялись.

– Я? Влюблялась, – ответила Глумушка.

– Извините. Я не хотел вас обидеть.

– И все-таки, может быть, вы обратитесь к более консервативным средствам? – сказала колдунья. – Может, вы будете проявлять к девушке внимание, заботу, проявите себя мужественным, честным человеком? И она вас полюбит.

– Когда? – возразил Стендаль. – Через десять дней она уезжает на сборы в Калугу. И я ее больше не увижу.

– Воля ваша, – сказала Глумушка. – Я предупредила. Для начала придется вас сфотографировать и сделать анализ крови.

– Нет, не надо формальностей. Дайте мне приворотное зелье.

– Ох-ох-охо, – вздохнула старушка. – Неужели вы, культурный человек, верите в такую чепуху?

– А то как же? Ведь я видел результаты.

– Чепуху мелете, Стендаль. Вы что, хотите сказать, что в двух километрах от города Великий Гуслияр живет действующая колдунья, ведьма, другими словами?

– А как же вас еще назвать?

– Как хотите – экспериментатором, филантропом, гостем из соседней звездной системы, отставшим от своего корабля, наконец, лауреатом Нобелевской премии по генетике.

– Но вы же не отрицаете, что вы, Глумушка, колдунья?

– Я ни на что не претендовала. Встаньте к стенке, сейчас я включу освещение. Вот так, чуть левее. Я ни на что не претендовала. Тихо жила, вела отдельные наблюдения, собирала в лесу пустые бутылки и сдавала их по двенадцать копеек за штуку. Дальнейшее произошло совершенно случайно. Всё, можете садиться. Дайте мне левую руку, мизинец. Куда спирт запропастился? Вы не знаете, в аптеку вату не подвезли? Да, на чем я остановилась? Так вот, дальнейшее произошло совершенно случайно. Я полюбила жителей этого города. И не смогла отказать им в некоторых маленьких услугах. Если я знаю больше их, умею больше их, могу помочь в беде, неужели я имею моральное право отказать? Не дергайте пальцем. Я вынуждена буду вас уколоть еще раз. Как не стыдно, взрослый человек, влюбился безнадежно, а боится простой иглы.

– И зачем вам моя кровь? – спросил Стендаль.

Колдунья отжала несколько капель в пробирку, заткнула пробирку ватой и потрясла, глядя на просвет.

– Вторая группа, – определила она. – Вторая группа и повышенный лейкоцитоз.

– Ничего не понимаю, – сказал Стендаль.

– И не надо ничего понимать. Люди поверили, что я темная личность, ведьма, может быть. Я не стала спорить. А кровь ваша мне нужна для того, чтобы изготовить то, что вы называете приворотным зельем. Зелье это, несущее в себе ваши генетические характеристики, будучи подмешано в пищу объекту ваших притязаний, перестроит несколько его нервную систему. Другими словами, вы станете в чем-то единокровными близнецами – нет, неточная формулировка. Вы станете близки по духу. У вас, то есть у нее возникнет к вам симпатия того же рода, что и вы испытываете к ней. Я бы могла объяснить это подробнее, с помощью формул, но вы в них ни черта не поймете с вашим гуманитарным образованием. Боже мой, как я истосковалась по интеллигентному, образованному человеку! Даже перед вами начинаю открывать душу. Нет, пора мне отсюда уходить. Пора.

– Так это все-таки волшебство?

– Вот те раз. Объясняешь ему, объясняешь, а он опять за свое. Волшебства нет и не бывает. Это химия. Хи-ми-я. А почему у вас лейкоцитоз повышен? Зубы не беспокоят?

– Почти нет. Ну а как же история с ворами на лесопилке? Или поиски вещей пожарного? Или зуб Удалова? Как же это? Тоже химия?

– Вы мне не верите. Конечно, не верите. С пожарными обычный детектор. Он у меня на печке стоит. С ворами – телепатический локатор. Он, правда, уже сломался. Нет зап частей. Все это так просто, что даже разговаривать стыдно. Кстати, без телепатолокатора труднее работать. Я взяла себе за правило помогать лишь тем, чьи намерения чисты и благородны. До определенной степени. А как я могу быть уверена, что не ошибусь без локатора?

– Но у меня самые чистые намерения.

– Сомнительно. Хотите замутировать голову невинной девушке. Ну ладно, я все равно от вас уеду.

Глумушка расставила на столе различного размера и вида пузырьки, смешивала что-то, вызывала в пузырьках шипение и изменение цвета.

– Я бы заставила вас еще разок прийти, да, боюсь, вы не посмеете. Застыдились. Вы ведь не ожидали увидеть у меня такую клиентуру? Не беспокойтесь. Получите средство через пять минут.

Почти до самого дома Мишу провожал Удалов, боявшийся в одиночестве идти по ночному городу. Удалов был одержим болтливостью человека, неожиданно избавившегося от неприятностей.

– А этот, с козлом, – говорил он. – Ну просто удивительно. Такая любовь со стороны воюющего животного. А она мне даже в рот не залезала, а только что-то к щеке приложила и говорит – канал прочищен, полощите рот два раза в день теплой водой с содой. Понимаешь, с содой, говорит, а я соду совершенно не выношу. У меня воображение богатое.

Луна зашла, фонари горели вполнакала. Когда они проходили мимо дома Алены, Стендаль старался не смотреть на ее окна. Бутылку с приворотным зельем он сжимал в кармане потной рукой, чтобы случайно не вывалилась или не разлилась.

– Вот, – продолжал между тем Удалов, заглядывая снизу в лицо Стендаля. – Удивительная история, что обитаем мы во второй половине двадцатого века, в период ракет и электроники. И тут же рядом, словно остаток далекого прошлого, живет старушка, которая может творить подобные чудеса. Никогда бы не поверил, если бы сам не посетил. С одной стороны, суеверие, а с другой – еще необъяснимые явления человеческой психики. Ведь не зря люди верили в колдовство. В прошлом, при царской власти. И теперь еще некоторые верят. В век электроники.

– Может, она вас с помощью электроники и вылечила, – сказал Миша.

– Ха-ха, смешно. С помощью электроники. И вам приворотное зелье дала? Я-то понимаю. И козла тоже с помощью электроники?

– Во что только это выльется? – сказал Стендаль.

– Вы про себя? Полюбит. Как миленькая полюбит. Уже есть несколько случаев.

– Я про старушку. Ей не место в нашем городе.

– Вот тебе и благодарность, – обиделся за колдунью Удалов. – Фельетон писать будете?

– Какой уж там фельетон.

– То-то. Вот и ваш дом. Желаю счастья в любви.

Удалов поспешил к своему дому, кварталом дальше.

Стендаль осторожно достал свободной рукой ключ и медленно сунул его в замочную скважину, чтобы не разбудить хозяйку квартиры, где он снимал комнату.

Ночь он провел тревожно, часто просыпался, мучился кошмарами, в которых Глумушка заставляла его пить всякую дрянь и угрожала персональным делом.

Утро выдалось солнечным, ясным, и Стендаль долго смотрел на бутылочку с зельем, прежде чем все подробности ночного визита восстановились в памяти.

– Быть того не может, ибо это нереально и похоже на бред, – сказал он вслух и намеревался уже выбросить бутылочку за окно, но тут внезапно взглянул в окно и увидел Алену, идущую к рынку с хозяйственной сумкой в руке. Алена источала такое сияние, что Стендаль сжал бутылочку в руке и бросился в закуток к умывальнику, чтобы скорее покончить с утренними формальностями туалета и поспешить на рынок вслед за Аленой.

Он разминутся с ней, проискал ее по улицам, отчаялся, собрался уже ринуться к ее дому, рискуя встретить злую Антарктиду, но тут силуэт Алены мелькнул за витриной продовольственного магазина. Стендаль влетел в магазин и оробел.

Больше всего народу стояло в винном отделе. Стендаль метнулся туда, затесался в очередь и, прячась за спиной какого-то большого человека, подобрался к самому прилавку. Алена тем временем покупала сыр и масло и Стендаля не замечала.

– Вам что, молодой человек? – спросила продавщица.

– Банку мангового сока, – сказал Стендаль.

– Во фруктовом отделе, – ответила продавщица с удивлением. – Не видите, что ли, торгую алкогольными напитками, будь они прокляты.

– Да, да, вижу. Отлично вижу.

Алена поглядела в его сторону, и Стендаль чуть присел.

– Ненормальный какой-то, – сказали сзади в очереди.

– Нормальнее вас, – ответила с неожиданным раздражением продавщица. – Потому что хочет пить натуральный продукт.

Стендаль на полусогнутых ногах переключался к фруктовому отделу. Алена вышла из магазина, и ему удалось наконец купить манговый сок без осложнений.

Стакан Стендаль украл в столовой самообслуживания, спрятал его под рубашку, и, как назло, в этот момент к нему приблизился с утренним приветствием сослуживец по редакции из отдела писем. Рубашка оттопыривалась на животе, и сослуживец здороваться не стал. Вздыхнул сочувственно и деликатно отвернулся.

«Ну вот, – подумал сокрушенно Стендаль, спеша к выходу, лавируя между подносами, – ко всему прочему мне еще не хватало, чтобы на работе распространился слух, что я алкоголик да еще нечист на руку».

И тут, на улице, Стендаль понял, что все его усилия пропали даром: Алены нигде не было видно. Да и почему бы она должна его ждать?

Стендаль метнулся вверх по Пушкинской, заглянул на Красноармейскую, прижался на мгновение к витрине книжного магазина. Алена как сквозь землю провалилась.

И тогда Стендаль, сжимая в одной руке банку мангового сока, в другой украденный стакан, пошел куда глаза глядят.

Ноги сами привели его в городской парк. Утренние аллеи были залиты солнцем, исчерчены тенями старых лип и пустынно. Стендаль отыскал лавочку под раскидистым деревом, уселся на нее и закурился. Так все хорошо начиналось и так бесславно кончилось. Надо было идти в столовую и возвращать стакан, рискуя встретить там еще одного сослуживца.

Хотя нет, сначала следует его использовать по назначению. Все равно пить хочется.

Стендаль достал из кармана перочинный ножик, проткнул в банке две дырочки и только собрался напиться экзотическим соком, как услышал шаги. Он поднял голову.

К скамейке подходила Алена Вишняк. Она легко несла тяжелую сумку с продуктами и глядела на Стендаля карими спокойными глазами.

– Пить захотелось? – спросила она, и рука Стендаля попыталась спрятаться за спину вместе с банкой, будто его поймали на чем-то постыдном. – Что же вы?

Алена возвышалась над Стендалем, словно греческая богиня, и солнечные лучи пронзали ее пышные волосы, золотили пушок на щеках. И тут к Стендалю вернулось самообладание. Он понял, что не боится прекрасной Алены, что сегодня же она перестанет над ним издеваться, смотреть на него свысока.

– Я сумку поставлю на скамейку, – сказала Алена. – А где вы взяли стакан? Принесли из дома?

– Украл.

– Как нехорошо, – заметила Алена. – Вы угостите меня соком? Жутко умоталась.

– Конечно, – обрадовался Стендаль. Добыча сама шла в руки. – Я вас ведь и ждал.

– Да?

Наступило неловкое молчание. Алена, прищурившись, смотрела на солнце, будто в любой момент могла встать и уйти, но не находила сил, таким добрым и ласковым было утро. Стендаль забыл о снадобье, он глядел на очаровательный профиль и не дышал.

– Пожалуй, я пойду, – сказала вдруг Алена. – Вы обо мне забыли.

– Погодите! – воскликнул Стендаль. – Почему? Я о вас помню.

– Тогда выполняйте свое обещание.

– Обещание?

– Послушайте, Стендаль. Вы ведете себя странно. Я хочу пить, а вы держите банку в руке, словно жалеете для меня глоток самого обыкновенного мангового сока.

– Да-да, – сказал Стендаль и наклонил банку. Желтая густая струя пролетела мимо стакана, и Алена протянула руку, помогла Стендалю. Рука у нее была теплая.

Стендаль вспомнил о снадобье. Надо было налить его в стакан. Чтобы Алена не заметила.

– Ну хватит, – остановила его Алена. – Мне хватит. А то вам ничего не останется.

– Сейчас, – сказал Стендаль, ставя банку с соком на скамейку и отводя руку со стаканом подальше от Алены. Освободившейся рукой он старался в кармане открыть пузырек.

Глядя на его неловкие движения, Алена расхохоталась, и весь парк зазвенел серебряными колокольчиками.

– Смотрите! – сказал Стендаль, глядя вверх ее плеча. – Скорее!

Алена обернулась.

Стендаль выхватил пузырек и опрокинул его над стаканом.

– Что случилось? – Алена снова посмотрела на Стендаля. Но пузырек уже улетел за спинку скамейки. Стендаль перевел дух.

– Очень смешной голубь, – сказал он. – Уже улетел.

Напившись, Алена передала стакан Стендалю. Он долил в стакан остаток сока и пил, не спуская глаз с Алены. Сок стекал на рубашку, но он не замечал этого, он спешил, он боялся, что Алена уйдет, обидится и тогда не подействует средство, в которое Стендаль уже не верил.

– Хватит, – сказала Алена. – Сюда идут. Вы молодец, Миша. Только не бойтесь меня. Я к вам отношусь совсем не так, как вы думаете.

«Началось», – с сотрясением в сердце подумал Стендаль.

– Я в душе очень стеснительная. Только теперь набралась смелости сказать вам. Я, когда вы вчера ушли, написала вам письмо. Вы не рассердитесь?

– Вчера? – глупо спросил Миша.

– А почему вы удивляетесь?

– Вчера, – тупо повторил Миша.

– Я вдруг подумала. Дайте мне еще сока. Я веду себя как девчонка.

Алена допила сок, поставила стакан на скамейку. Стендаль подвинулся, банка упала, и остатки сока вылились на землю.

– Возьмите, – сказала Алена, протягивая Мише голубой конверт.

Она схватила сумку и убежала по аллее. Миша раскрыл конверт.

«Миша, извините, что я беспокою вас, но, наверное, я глупая и слишком откровенная. Такие вещи нельзя писать малознакомым мужчинам. Но когда я вас увидела в первый раз, такого умного и похожего на молодого Грибоедова, я вдруг поняла, что уже несколько лет именно вас хотела увидеть... Вы не сердитесь, что я вела себя с вами так грубо и даже пренебрежительно, но я стеснялась, что вы догадаетесь о моих истинных чувствах...»

Миша читал письмо, покрываясь мурашками и даже вздрагивая от счастья и стыда. Слепой болван!.. Воробьи и другие птицы стайкой собрались у ног Стендаля и подбирали остатки пролитого сока. Миша сказал себе: «А вдруг плюс на плюс даст минус? И она после этого сока меня разлюбит?»

Миша вскочил со скамейки и бросился бежать по аллее, стараясь догнать Алену и во всем признаться. Он бежал так быстро, что люди на улицах шарахались в разные стороны и укоряли его громкими голосами, а птицы, уже влюбленные в Мишу, резвились над его головой и старались сесть на плечи, чтобы выразить чувства.

Миша догнал Алену у самого ее дома, у колонки. Они долго стояли там, и собака Антарктида бесновалась за забором. Ее раздражал не только Миша, но и птицы, одурманенные соком и любовью. Миша говорил и говорил. Алена смотрела на него добрыми карими глазами, забыв, как тяжела сумка в ее руке.

Вечером Миша уговорил Алену пойти погулять за лесопилку. Его, словно убийцу, тянуло на место преступления. И хоть Алена знала о ночном походе Стендаля к колдунье, она не обижалась, смеялась и пугала Мишу тем, что он, тоже выпив сока с зельем, полюбит себя больше, чем всех остальных, включая Алену. Миша отрицал такую возможность и отчаянно боролся с любовью к самому себе. Любовь эта была, она крепла и звала приблизиться к зеркалу и посмотреть на свое приятное лицо.

– Ничего, – сказала Алена, – по крайней мере, вы теперь не будете таким робким, как раньше. Это вам поможет в жизни.

– В нашей жизни, – поправил ее Стендаль.

Они пошли в лесок за лесопилкой. Снова светила луна, и снова лицо Алены казалось втрое прекрасней и загадочней.

– Вот и избушка, – сказал Стендаль. – Там, наверно, опять очередь. Надо бы поблагодарить Глумушку.

– За что? – удивилась Алена.

– За все. За доброту. Вы могли бы меня и не заметить.

– Негодяй, – произнесла Алена без особой злости. – Хотели украсть мои чувства, одурманить меня волшебным ядом.

Нет, она не сердилась. Ей даже было лестно, что молодой журналист ради нее ходил к колдунье.

– Что-то не видно света, – сказал Стендаль. – Неужели она не принимает?

Они стояли на краю полянки, в тени сосен. Дверь бесшумно раскрылась, и Глумушка все в том же платье и платочке выскользнула наружу и резво побежала направо, к речке.

Стендаль открыл было рот, чтобы окликнуть старуху, но Алена толкнула его локтем.

– Молчи, – прошептала она.

Колдунья остановилась на берегу, вынула из-за пазухи черный предмет, и острый луч света ушел в небо.

– Странная бабушка, – прошептала Алена.

Прошла минута, вторая. Что-то вспыхнуло в небе, и оттуда мягко снизилась громадная летающая тарелка. Она зависла над землей. Из люка внизу вывалилась, раскручиваясь, веревочная лестница.

Глумушка сбросила с себя платье, платочек и парик, превратилась в двуногое изящное существо, точно такое же, как и те, что уже спускались по веревочной лестнице на землю.

– Наконец-то! – сказала Глумушка.

Пришельцы затарабанили что-то в ответ, торопя ее погрузиться в корабль.

– Нет.

Глумушка показала в направлении домика. Двуногие существа побежали туда и помогли Глумушке перенести к кораблю несколько ящиков и свертков.

– Спасибо, – сказал Глумушке один из пришельцев. Язык их не был схож ни с одним из земных языков, но Алена с Мишей отлично понимали его: слова звучали внутри головы. – Спасибо. Оказавшись в тяжелых условиях, одна на чужой планете, вы не забыли об интересах науки. И за два года собрали неоценимый этнографический материал. Надеюсь, вы никому не

выдали своей действительной сущности? Ничем не проявили своих сверхчеловеческих способностей и знаний?

Глумушка ответила не сразу. Но ответила твердо:

– Нет, капитан.

Корабль улетел к своей звезде так же беззвучно, как и появился. Алена взяла Мишу за руку, и они пошли обратно к городу.

Кладезь мудрости

Явился Корнелию Удалову во сне пришелец.

– Корнелий, послушай, – сказал пришелец. – Мы, в Галактике, знаем, что ты очень расположен к космической дружбе.

– Да, – согласился Корнелий. – Верю в возможность контактов и по мере сил...

– погоди, – перебил его пришелец. – времени у меня в обрез.

Пришелец был окружен чем-то голубым, и за сиянием трудно было различить его формы. Корнелий понимал, что встреча происходит во сне, но просыпаться не торопился: любил поговорить с новым человеком.

– Мы в Галактике посоветовались, – продолжал пришелец, подлетая ближе и заключая Удалова в пределы своего сияния, – и решили, что ты нам подходишь. Сам понимаешь.

– Понимаю, – сказал Удалов.

– И вот в благодарность за твои прошлые и будущие заслуги мы тебе даем дар. Космического масштаба. Одновременно должен тебя предупредить, дар этот – испытание всей планете, всему человечеству. Сможешь подарком распорядиться – значит, человечество доросло. Нет – придется подождать.

– А почему ваш выбор пал на меня? – спросил Удалов из скромности.

– Я же сказал – за заслуги. И к тому же ты самый что ни на есть средний и обычный человек в Гусляре.

– Я-то? – спросил Удалов с некоторой обидой.

– Не важно, – ответил пришелец. – Спешу я. Энергия на исходе. За то время, пока я с тобой нахожусь в телепатической связи, пришлось выключить свет на двадцати трех планетах. Так что принимай дар – и до свидания. В случае если не справишься, только скажи вслух: «Игра закончена». И все вернется на свои места.

Не успел Удалов ничего ответить, не успел даже руки протянуть за даром, как сверкнула молния, и Удалов проснулся.

Было раннее утро. За окном шел дождь. Рядом спала Ксения и вздыхала во сне. «Интересно, – подумал Удалов, – она наш разговор слышала?» Где-то за тремя стенами зазвонил будильник. Пять тридцать, старик Ложкин встает делать зарядку и кормить птичек. А может, сон как сон? Может, и не было пришельца?

Удалов выпростал из-под одеяла руки. Руки были пусты. Никакого дара.

– Чепуха, – сказал Удалов и снова заснул.

Вторично он раскрыл глаза в половине восьмого. Сын Максим собирался в школу, Ксения хлопотала на кухне.

– Уроки выучил? – спросила она сына. – Опять вчера с Сашкой мяч гонял до темноты?

– А нам ничего не задали, – ответил Максим Удалов, очень похожий на своего отца курносый носом, цветом пшеничных волос и склонностью к излишнему фантазированию.

– Как так не задали? – сердилась Ксения. – Я в дневник смотрела. По истории про бунт стрельцов кому задавали?

– Я про бунт знаю, – сказал Максим.

– Господи, если бы я проверить могла, – говорила Ксения, – я бы тебя по урокам гоняла как сидорову козу. Всё дела, хозяйство.

– Ксения, разбудила ты меня, – произнес Удалов. – Мне сегодня только к одиннадцати в контору. Вчера говорил.

– Все равно вставай, – ответила Ксения, которая легко переносила свое раздражение с одного члена семейства на другого. – Сколько раз просила – почини замок в прихожей. В один

прекрасный день всех нас унесут, ты даже не заметишь. Сын опять уроков не выучил. Опять двойку принесет. Про стрелецкий бунт ничего не знает.

– Ничего не знаю, да больше вас, – ответил грубо Максимка. – Если вам сказать, что Суворов его подавлял, даже не удивитесь.

– Историю я крепко подзабыл, – сознался Удалов.

И тут что-то щелкнуло у него в мозгу. Будто открытая страница учебника возникла перед глазами. Удалов просмотрел страницу и сказал совершенно спокойно:

– Плохо вас учат, сынок, если Суворов стрелецкое восстание подавлял. Особенно если учесть, что за спинами стрельцов стояла царица Софья, старшая сестра Петра Первого, и князь Голицын, ее основной полководец. Суворов, кстати родившийся лишь в 1730 году, никакого участия в этом принимать не мог.

Сказав так, Удалов спустил ноги с постели, нащупал шлепанцы и поднялся во весь рост. Сын Максимка как стоял у двери, так и замер. Ксения выглянула из кухни с крышкой от кастрюли в руке и спросила:

– Ты это сам или заглянул куда?

– Сам, – ответил Удалов. – Спешу, Максимка, в школу и в будущем не обманывай папу. Скажет тоже, Суворов.

– Иди к столу, – сказала Ксения, подобрев. – Каша остынет.

– Сон я удивительный видел, – начал Удалов, заливая кашу молоком. – Будто явился ко мне космический пришелец и говорит: «Получай, товарищ Корнелий Удалов, за твои передовые дела необыкновенный подарок».

– Рехнешься ты со своими пришельцами, Корнюша, – пожалела его Ксения. – А подарок какой?

– Вот в том и беда, что не знаю. Проснулся я, а подарка нет.

– То-то и оно. Мне вчера, например, танк приснился. А на нем соседское белье висит. Тоже, наверное, чего-нибудь значит.

– Наверное, – произнес Удалов разочарованно. Ему было жалко такого редкого сна.

– Между прочим, – продолжала Ксения, – вчера нам счета принесли. Опять за электричество два сорок два. Это надо только подумать, сколько энергии холодильник жрет!

– Два сорок три, – автоматически поправил ее Удалов. – А пришельцу, для того чтобы к моему разуму проникнуть, пришлось без света несколько планет оставить.

– Два сорок два, – сказала Ксения. – Я смотрела.

– Ну да, два сорок три.

– Ты что, шутить со мной вздумал? Ведь я как счет получила, сразу его в шкатулку спрятала. Когда залезть успел?

– Не видел я твоего счета, – искренне обиделся Удалов. – Просто так показалось мне, что два сорок три.

– Ну уж погоди.

Ксения вынула из комода под зеркалом расписную шкатулку федоскинской работы с изображением тачанки, подаренную к свадьбе удаловскими соучениками по школе, раскрыла ее и сверху достала голубой листок – счет за электроэнергию.

– Вот. Полюбуйся.

Но листок мужу не отдала, потому что увидела, что на нем написано: «2 руб. 43 коп.».

– Лазил, – сказала она убежденно.

– Не лазил, а догадался, – ответил Удалов.

– Лазил. Ревнуешь, проверяешь, где письма храню.

– Нужна ты кому-то.

– Вот-вот, была нужна, Семенской мне какие предложения делал!

– Так этот Семенской тебя двадцать лет как забыл.

– А почему забыл? Потому что я лучшие годы на тебя потратила. Все тебе отдала, что было во мне свежего, нераспустившегося. Как березка в весеннем наряде.

Ксения провела руками по широким бедрам и заплакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.